

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Обзор И. Айзенштока

I

Вопрос о судьбе литературного наследства Шевченко представляет далеко не только „академический“, историко-литературный интерес. В течение десятилетий вокруг имени поэта, вокруг его литературного наследства (в особенности это относится к сборнику его поэтических произведений — „Кобзарю“) велась и, в сущности, еще не закончена и в настоящее время жестокая классовая борьба, временами как бы затухавшая, привнимавшая скрытые формы, прикрывавшаяся „беспартийными“, „аполитическими“ лозунгами, временами же разгоравшаяся во-всю, непосредственно, ближайшим образом смыкавшаяся с общей политической борьбой, так сказать — обнажавшая свою классовую сущность.

Шевченко — поэт огромной революционной силы, гениальный выразитель освободительных стремлений обездоленного крестьянства, развернувший в своей поэзии знамя протеста против феодально-крепостнической России Николая I, — этого „неудобозабываемого тормазы“, как его неоднократно, вслед за Герценом, называл поэт в своем дневнике, — для того, чтобы повести под этим знаменем „громаду в сіряках“, но не назад в прошлое, а вперед — к социализму (В. Затонский). Такого Шевченко, нашего Шевченко, мы узнаем лишь теперь, смывая с него накопившиеся десятилетиями напластования либеральной ретуши, „скромных“, но многозначительных умолчаний, националистических искажений и злостных передержек всего того, что исподволь создавало обычное и очень мало похожее на действительность читательское представление о Шевченко. Несколько примеров охарактеризуют эту „работу“ буржуазных интерпретаторов над великим украинским поэтом.

Тотчас после смерти Шевченко один из его „приятелей“ — Костомаров, типичнейший представитель того гнусного и подлого либерализма, о котором неоднократно писал Ленин, сделал попытку смазать революционное содержание поэзии Шевченко, примирить его, хотя бы за гробом, с самодержавием, поставить его в ряд „народных“ поэтов типа Кольцова и др. Отсюда — формула: Шевченко — „поэт сельского народа, воспитавший в себе поэтическое вдохновение его существом и передавший его образованному миру в прекрасных безыскусственных образах, добытых им из сокровищницы своей богатой природы“¹ (мне вспоминаются вышедшие кажется в 1926 г. „Очерки по истории русской литературы XIX в.“ А. Войтоловского, где Шевченко разбирался наряду с Кольцовым и Никитиным: старая либеральная костомаровская фразеология была полностью сохранена, хотя самая книга и имела почему-то претензию называться марксистской). Или в другом месте: „Шевченко как поэт — это был сам народ, продолжавший свое поэтическое творчество. Песня Шевченко была сама по себе народная песня, только новая — такая песня, какую мог бы запеть теперь целый народ, какая должна была вылиться из народной души в положении народной современной истории. С этой стороны Шевченко был избранник народа в прямом значении этого слова, народ как бы избрал его петь вместо себя“². В дополнение к этой формуле, выхолащивавшей революционную классовую сущность поэзии Шевченко (которую, как увидим далее, „друзья“ поэта отчетливо сознавали и всеми силами боролись с нею), Костомаров дал еще вто-

рую формулу, непосредственно вытекающую из первой и уничтожающую национальное своеобразие творчества украинского поэта во имя пресловутых „общенародных“, „общерусских“ идеалов. „Будучи малорусским поэтом по форме и языку, — писал Костомаров в только что цитированной статье, — Шевченко в то же время и поэт общерусский. Это именно оттого, что он — возвеститель народных дум, представитель народной воли, истолкователь народного чувства“³.

Костомаровские формулы сохраняли свою действенность, находили общественный резонанс в течение нескольких последующих десятилетий. Оформляющееся классовое сознание украинского буржуазного национализма внесло конечно в них некоторые поправки, однако поправки эти не меняли основного характера самых формул. В основном поправки эти сводились, во-первых, к сугубому подчеркиванию украинского национального характера творчества Шевченко (т. е. к подчеркиванию националистических моментов, занимавших в творчестве Шевченко — особенно раннем — заметное место), во-вторых, — к столь же усиленному выпячиванию злободневности и даже символичности поэзии Шевченко для „судьбы всего украинского народа“. Теоретик и публицист украинской националистической буржуазии первой четверти нашего века, позднее один из главных подсудимых в процессе контрреволюционной организации „Союз Вызволения Украины“ С. Ефремов так прямо и писал: „Для Украины значение гения Шевченко выходит за пределы, поставленные даже великим писателям на их родине: он сам был для нее тем солнцем, которое „за собою день ведет“, — день нового рождения на свет великим культурным народом; его поэзия стала наилучшим выражением национального самосознания на Украине, как его личную судьбу можно считать символом судьбы всего украинского народа“⁴. Поэтому для Ефремова, как и для всей социальной группы, выразителем которой он являлся, Шевченко далеко не был только литературным явлением. „Шевченко еще не классик, — писал он по случаю 100-летия со дня рождения поэта, — Шевченко принадлежит еще не истории, но живой жизни. Великое имя его встречает не одно только холодное, обидное почтение и патетические и неискренние дифирамбы, но и горячую любовь всего честного и столь же горячую ненависть всего темного, не смеющего поднять глаз на ясный лик великого поэта“⁵. „Для нас, — заявлял Ефремов в другом месте, — Шевченко не только историческая личность“. И музу поэта он характеризовал следующим образом: „Она творит жизнь там, где последняя угасает, она соединяет в единое целое разодранные и разъединенные массы людей, она даже в опустошенную грудь вкладывает душу новую и зажигает ее любовью к родному народу и желаньем жить для него, на него работать. И вместе с красотою поэзии Шевченко, упиваться которой без запретов смогут уже последующие поколения, еще долго не сойдет с очереди и эта ее творческая с общественной точки зрения функция, — функция человека на страже интересов родного края, функция громкого колокола, возвущего все живое к жизни и труду“⁶.

Подлинный смысл этих звонких фраз и характеристик, истинный их классовый, контрреволюционный характер мы особенно можем оценить надлежащим образом в настоящее время, учитывая примеры националистической фальсификации Шевченко в период гражданской войны и позднее. Кто только не тянул Шевченко к себе, кто только не пытался использовать его стихи для лозунгов на своем знамени, кто не клялся его именем, не стремился подтверждать его произведениями правильность своей политической программы! Портреты Шевченко, украшенные традиционными „рушниками“ (вышитыми полотенцами), вешались на почетных местах и в гайдамацких лагерях, и в петлюровских штабах, и в немедких комендатурах (в почетном соседстве с портретами Вильгельма и гетмана Скоропадского!). Портреты Шевченко любезно разрешали вывешивать (весьма впрочем осторожно) даже „едино-неделимые“ деникинцы: Шевченко, „шевченковский язык“ служил для них одним из средств агитации против „украинства“, „сепаратизма“, хотя для этого приходилось подкрашивать поэзию украинского поэта густочерными красками по рецептам дореволюционных черносотенных публицистов, также в свое время доказывавших „истинно-русские“ убеждения Шевченко.

О характере реализации ефремовских „общечеловеческих“ оценок поэзии Шевченко украинскою контрреволюциею может дать представление хотя бы брошюра небезызвест-

АВТОПОРТРЕТ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Рисунок пером 1843 г.

Частное собрание, Москва

ного Никиты Шаповала — одного из лидеров украинских эсеров, активнейшего врага украинских рабочих и крестьян, — „Шевченко і самостійна Україна“ (Киев, 1918); в брошюре этой авторитетом Шевченко, его „священным именем“ прикрывается подготовка к беспощадной борьбе с революционными рабочими и беднейшим крестьянством. „Национально-политическое мировоззрение поэта, — провозглашает Шаповал, — можно уложить в небольшую схему: что нужно для Украины? — своя хата. Кто виноват в том что ее нет? — изменники, отступники, общественные мертвецы и слепцы. Кто враг Украины? — Московщина. Что нужно делать? — освободиться из ярма. Какими способами? — вооруженное восстание, ненависть к врагу. Нужно уметь жертвовать всем собою, душою, богом, людьми, вообще всем“. Подобной жульнической стряпнею пытались украинские контрреволюционеры завоевать доверие украинских трудящихся масс. Смазывая классовый характер всего творчества украинского поэта в целом, подчеркивая отдельные националистические места, преимущественно в ранних его произведениях, переноса безудержным полетом фантазии отзывы Шевченко о России XVIII—XIX вв. на Москву — центр мировой революции, — такими не очень хитрыми, но явно мошенническими приемами обосновывалась близость „самого Шевченко“ петлюровской контрреволюции. И из всей этой стряпни делался „практический“ вывод: „Если бы поэт был жив, — мы увидели бы его среди вольных казаков, или гайдамаков, или „січових стрільців“.

Махровый петлюровец А. Тисовский доказывал — несомненно также с агитационной целью — наличие в стихах Шевченко, в частности в его „Заповіті“, отчетливо выраженного идеала, самостоятельной („самостійної“) Украины. „Наилучшим доказательством того, что у Шевченко уже выкристаллизовался идеал „самостійної“ Украины, является его „Заповіт“. „Семья великая, свободная, новая“ — ведь это совершенно ясный намек в „Заповіті“ на определение самостоятельной Украины, которой нельзя добиться, пока не польется вражеская кровь Днепром в море. Об этом считал необходимым напомнить землякам тяжело больной, почти умирающий поэт⁷. Можно было бы конечно с большой долей вероятия считать эту тираду бредом сумасшедшего, однако типичность подобных толкований заставляет отнестись к ней с полной серьезностью. Например акад. М. Грушевский писал о том же „Заповіті“ в одну из шевченковских годовщины (1925) следующее: „Какие глубокие переживания мы прошли с „Заповітом“ на устах в течение этих восьми лет и какие еще ожидают всех тех, кто пойдет с этим пением вдале, тяжелым и долгим путем, начертанным условиями бытия нашего Народа! Напрасны были мечты тех, кто надеялся на осуществление воззваний поэта одними декларациями или пением его „Заповіту“. Мы видим, что кровь действительно должна была политься так, как он сказал, — не только на словах, но и на деле!“ И дальше: „В настоящее время мы переживаем минуты передышки. Как долго они продлятся — неизвестно. Но вот „Заповіт“ непреклонной воли и неустанный дела, до полного осуществления поставленной задачи... — создания „новой свободной семьи“ на всей Украине, он стоит и будет стоять над нашими душами, ожидая своего исполнения и приказывая работать для него всеми силами, при всяких обстоятельствах и по всем направлениям, приближающим нас к нему“⁸. Буржуазно-националистическая сущность взглядов Грушевского не может вызвать каких-либо сомнений. Украинская буржуазия, отношения которой к советскому государству, строящему социализм, всегда были определены враждебными, проникнутыми неискоренимою ненавистью, стремилась представить „Заповіт“ — да и все творчество украинского поэта в целом — символом борьбы все с тою же ненавистной Москвой, с советской властью, с коммунизмом, символом борьбы „за воссоединенную Украину“, за буржуазную украинскую республику под „покровительством“ одного из европейских государств.

Нельзя ни на мгновение забывать, что за всеми этими националистическими бутадами крылась и кроется активная политическая работа украинских националистов, направленная против „взаимного доверия и братского сближения рабочих и крестьян национальностей СССР“ (Сталин). Как отметил в своей резолюции ноябрьский (1933 г.) объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У, последние годы, годы относительной стабилизации капитализма и перехода к новому туру революций и войн, „вызывали беш-

ный рост антисоветской активности со стороны западноукраинской буржуазии, со стороны продавшихся польским и немецким помещикам и капиталистам остатков прежних мелкобуржуазных украинских партий социалистов-революционеров, социал-демократов и др., которые всегда находились в самой тесной связи с кулацко-петлюровскими элементами на Советской Украине и вели свою контрреволюционную работу на деньги иностранных контрразведок". А ослабление большевистской бдительности украинского Наркомпроса не только дало возможность широко разрастись националистическому уклону, но и увлекло Скрыпника, непосредственно смыкавшегося с подрывной контрреволюционной работой украинских националистов.

И неудивительно повсюду, что в писаниях о Шевченко национал-уклонистов и разоблаченных двурешников-контрреволюционеров, пробравшихся в коммунистическую партию и пытавшихся подорвать ее изнутри, мы обнаруживаем все знакомые уже нам националистические формулы, подкрашенные, правда, „марксистской“ фразеологией. Разве не клеветнически звучит утверждение Анд. Речицкого о том, что значение Шевченко „не только в развитии украинской литературы, но и в истории общественного движения настолько велико, что обойти его творчество, оттолкнуться от него — значило отказать и от влияния на крестьянские массы“ [подчеркнуто мною. — И. А.]. Не говоря уже о том, что здесь Речицкий собственно повторяет Ефремова и Шаповала, но из приведенной цитаты явствует, что коммунистическая партия влияет на крестьянство не столько своей программой, сколько преимущественно и главным образом произведениями Шевченко! Вся „пикантность“, все политическое вредительство подобного лозунга становится особенно ощутительным после критического знакомства со всей книгой Речицкого⁹, до сих пор еще не разоблаченную в полной мере¹⁰; в ней, в этой книге, Речицкий с особенной старательностью разворачивает „делую политическую программу национальной борьбы“ в творчестве Шевченко, пропагандируя в то же время антисемитизм, руссофобство и т. д. И все это сдобривается патетически лицемерной, пустой декламацией, долженствующей служить прикрытием для националистической контрабанды. „Все великое общественно-историческое значение поэта-невольника Тараса Шевченко состоит в том, что он шел по пути, намеченному историей борьбы угнетенного человечества за свое освобождение такими вежами, как Спартак, Мюнцер, Бабеф, Маркс, Ленин“. Ставить Шевченко, великого революционного поэта, но отнюдь не революционного вождя, в один ряд с Марксом и Лениным — не значит ли это сознательно стремиться к снижению всемирно-исторического значения дела марксизма-ленинизма?

А ведь подобными манипуляциями занимался не один только Речицкий. Националистический перерожденец Скрыпник, возглавлявший националистический уклон в КП(б)У, также утверждал, что „Шевченко с его социалистической идеологией может сделаться нашим знаменем, на котором мы заостряем свою социалистическую политику“. Да и еще в 1919 г. орган укапистов (украинской мелкобуржуазной националистической партии) пытался „сочетать“ Шевченко с Марксом: „В то время, когда на Украине выступил Шевченко, на Западе жил и действовал великий основатель социализма К. Маркс. На Востоке, в угнетенной стране, народный гений творил те же лозунги, которыми К. Маркс давал научное обоснование“. А наряду с этим — откровенная пропаганда зоологического национализма: „Жиды и поляки не национальные враги Шевченко, а социальные“.

Мы остановились на всех этих характеристиках, их преемственной связи и взаимозависимости конечно не потому, что считаем их сколько-нибудь характерными для данного момента. XVII съезд ВКП(б) и XII съезд КП(б)У, а еще раньше июньский и ноябрьский (1933 г.) пленумы ЦК КП(б)У с достаточной ясностью вскрыли (в докладах и выступлениях гг. Сталина, Косиора, Постышева, Попова, Любченко и др.) классовый эквивалент всевозможных рассуждений украинских националистов о „самостийности“ и „соборности“ Украины, обнаружив за ними тактические маневры националистической контрреволюции. Громадной ошибкой украинских историков литературы было то, что они проглядели эти маневры, между прочим на конкретном примере изучения Шевченко, что они позволили всевозможным Речицким в продолжение ряда лет

выдавать себя за представителей ортодоксально-марксистского шевченковедения, а Ефремову и иже с ним — проводить свою вредительскую работу над шевченковскими текстами, над биографией поэта и т. д.; громадной ошибкой украинских историков литературы, в частности шевченковедов, явилось то, что они не обнаружили своевременно тесной связи между первыми и вторыми, представлявшими как будто крайние полюсы шевченковедения, а в действительности смыкавшимися в своей службе заданиям европейского капитализма.

И одной из очередных, насущнейших задач советского шевченковедения является всемерное и полнейшее разоблачение „деятельности“ националистов в этой области, тем более, что „деятельность“ эта была весьма „плодотворна“ и имела весьма давние традиции. В сущности предстоит заново пересмотреть и проверить абсолютно все проблемы, связанные с Шевченко, — даже те, которые считались окончательно решенными; предстоит ввести „борьбу за Шевченко“ в новый фазис, развернуть активную борьбу за марксистско-ленинское шевченковедение. Прекраснодушно-либеральным размышлениям Костомарова, национал-фашистской клевете и вредительству Ефремова, Грушевского, Речицкого необходимо противопоставить подлинно материалистическое изучение Шевченко в свете его эпохи. И изучать мы будем не отвлеченную схему, не бездушную икону, не собрание националистических лозунгов, но живого поэта со всеми естественными противоречиями его происхождения, воспитания, классового окружения, характера и т. д. Этого „нового“, подлинного Шевченко следующим образом характеризуют тезисы, составленные Отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК КП(б)У к юбилею поэта: „Шевченко, являясь выразителем крестьянского противопомещичьего движения, выразителем революционности буржуазной крестьянской демократии, активно борясь против дворянской монархии и власти помещиков, не выступал и не мог выступать против основ буржуазного строя. Шевченко по сути был буржуазным демократом: в тогдашних условиях его деятельность как революционера расчищала почву для того, чтобы самым широким образом развернуть капитализм и создать более просторную почву для капиталистического развития производительных сил. Его представления о грядущем строе „без холопа и без пана“, строс, основанном на „равенстве“ и „праве на землю“, являясь отображением общих его буржуазно-демократических позиций, имели несомненно в тогдашних условиях крепостнического государства революционное значение. Однако они не шли далее буржуазно-демократического строя („мы діждемося Вашингтона з новим і праведним законом“). Мечты Шевченко о „веселых“, о „и не богатых и не убогих“ селах, о „неразмешованной“ земле, „о братстве братском“ были мелкобуржуазными иллюзиями. Представления его о будущем освобожденного крестьянства как о счастье мелких производителей, осевших на топором добытых помещичьих землях, не выходили за пределы буржуазного — своим общественно-экономическим содержанием — строя“¹¹.

И само собою разумеется, что установление исторической перспективы на творчество Шевченко, определение ее классового характера ни в какой степени не умаляет революционного значения его творчества; „величие его как поэта, — справедливо замечает В. П. Затонский, — неразрывно связано с его революционностью“. Здесь следует особенно подчеркнуть, что, в противовес либералам и националистам самых различных оттенков, уже революционные демократы и позднее Ленин, выделили в поэзии Шевченко как наиболее ценное и основное именно революционные, классовые ее мотивы. Отчетливо представлял себе революционное значение творчества украинского поэта и революционный демократ Н. Г. Чернышевский, писавший в непропущенном цензурой абзаце своей статьи „Национальная бестактность“ следующее: „Он [т. е. Шевченко. — И. А.] окончательно разъяснил для нас ту истину, которую давно мы предполагали сами. Вот она... Когда малороссы говорят о панах, они только забывают прибавлять, что в числе панов есть и малороссы, потому что этих панов-малороссов гораздо меньше, чем поляков. Но к этим панам их отношение точно таково же, как и к польскому большинству панов... Различие национальностей и тут не производит никакой разницы в отношениях... Малорусский пан и польский пан стоят на одной стороне, имеют одни и те-

«МАРИЯ». ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ ПУШКИНА «ПОЛТАВА»

Акварельный рисунок Т. Г. Шевченко 1840 г.

Музей изобразительных искусств, Москва

же интересы; малорусский поселянин и польский поселянин имеют совершенно одинаковую судьбу" ¹². Как видим, Чернышевский еще в начале 60-х годов вернее и глубже подошел к пониманию классового смысла поэзии Шевченко, чем всякие Ефремовы и Речидские, фальсифицировавшие Шевченко.

Несколько предварительных слов о фальсификации. Много говорилось и писалось о „борьбе за Шевченко“, борьбе, начавшейся еще при жизни поэта и незаконченной до сих пор. До революции борьба эта изображалась как непримиримая коллизия между царским правительством, в частности его органами — жандармским отделением и цензурой, с одной стороны, и „общественной мыслью“, „общественностью“ в лице исследователей и издателей Шевченко, которые должны были как бы представлять самого поэта, — с другой. В этом примитивном и схематическом представлении, находившем к сожалению свое отражение в шевченковской литературе вплоть до самого последнего времени, конечно была некоторая доля истины: царизм прекрасно понимал революционное значение поэзии Шевченко и лишь весьма постепенно ослаблял цензурные запреты и жандармские преследования ее, еще больше повышая этим авторитет поэта в глазах широких масс трудящихся.

Однако при таком примитивном представлении борьбы за Шевченко совершенно упускалось из виду то обстоятельство, что либералы, а позднее националисты боролись за своего Шевченко, что подлинный Шевченко — революционер и демократ — был им так же ненавистен, как и органам правительства. Упускалась из виду вторая цензура — цензура редакторов и издателей, цензура „дружеская“. Как правильно замечают тезисы Культпропа ЦК КП(б)У, „начиная от откровенных черносотенцев и кончая разного сорта либералами, господствующими классами царской России и Украины руками своих „культурных деятелей“ — опытных шарлатанов-фальсификаторов — принимались за литературное наследство Шевченко и беспощадно вычеркивали из него все, что пылало „мужицким“ бунтом, комментируя в свою пользу все, что так или иначе поддавалось „обработке“.

История этой двойной цензуры, история борьбы за Шевченко до Октябрьской революции еще не написана, хотя необходимость ее в настоящее время едва ли может быть оспариваема. Настоящая статья является попыткой проследить эту борьбу на материале собственно литературного наследства украинского поэта.

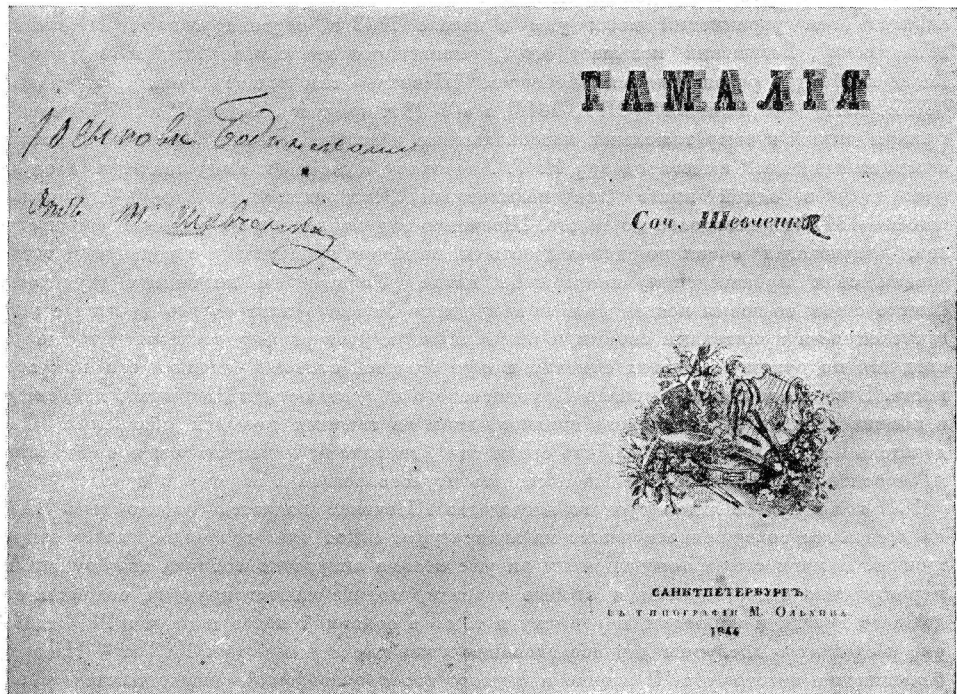
II

Свою поэтическую деятельность Шевченко начал, по собственному признанию, в 1837 г., „в... Летнем саду, в светлые безлунные ночи“. Несмотря на сочувственные и даже восторженные отзывы некоторых „земляков“ (Е. Гребенка) ¹³, познакомившихся с первыми опытами молодого поэта, последний вряд ли склонен был на первых порах относиться серьезно к своему поэтическому творчеству, считая основным своим призванием живопись. П. Мартос в своих воспоминаниях (вообще говоря, мало достоверных и классово враждебных к Шевченко) рассказывает о том, как, при его посещениях комнаты поэта, на полу и на столе „разбросаны были, в живописном беспорядке, принадлежности артистических занятий хозяина, разные полуизорванные, исписанные бумаги“ и т. д., как, случайно заинтересовавшись стихами, прочитанными на одном из валявшихся на полу клочков бумаги, Мартос после некоторых отговорок Шевченко о том, что он, дескать, „пачкает бумагу, когда нападет хандра“, получил от него вытащенный из-под кровати „лубяной ящик, наполненный бумагами в кусках“; содержимое ящика после тщательного отбора самим Мартосом и Гребенкой составило содержание „Кобзаря“ (СПБ., 1840) ¹⁴.

Как сказано, воспоминания Мартоса проникнуты неистовой классовой ненавистью к Шевченко и содержат немало подлейшей клеветы, однако приведенный эпизод не вызывает существенных возражений: и случайное происхождение первого издания „Кобзаря“, и легкомысленное отношение поэта к своим рукописям подтверждаются и рядом других свидетельств. Посылая например в начале 1842 г. А. А. Корсуну первую часть

поэмы „Черниця Маріяна“, Шевченко писал в коротком постскриптуме: „Кажется, и трубки не курю — а лоскутки бумаги, где была написана „Черниця“, растерялись, — нужно будет снова сочинять“ (перевод с украинского).

С появлением „Кобзаря“ связана одна националистическая легенда, разоблаченная лишь совсем недавно, — легенда о глумлении русской критики в целом над первым опытом поэта. Еще один из первых биографов Шевченко, М. Чалый, в книге „Жизнь и произведения Тараса Шевченко“ (Киев, 1882) заметил, что „появление „Кобзаря“ в печати встречено российскими критиками единодушным глумлением над малорусским языком и народностью“ (стр. 35). Замечание это, основанное на самом поверхностном знакомстве с отдельными рецензиями и на резко выраженной шовинистической антипатии ко всему русскому, пришлось особенно по вкусу всему буржуазно-националисти-

ЭКЗЕМПЛЯР ПОЭМЫ Т. Г. ШЕВЧЕНКО «ГАМАЛІЯ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
АВТОРА О. М. БОДЯНСКОМУ
Исторический Музей, Москва

ческому шевченковедению: в течение пятидесяти лет его повторяли и цитировали на разные лады¹⁵. Между тем только „Библиотека для Чтения“ (1840 г., т. XXXIX, отд. VI, стр. 14—16) и „Сын Отечества“ (1840 г., т. II, стр. 836) поместили отзывы, безусловно отрицательные не столько для самого Шевченко, сколько для всей украинской литературы¹⁶. В то же время например „Отечественные Записки“ признали книгу стихов молодого поэта „в полной мере заслуживающей одобрение критики“¹⁷, а рецензия „Литературной Газеты“ рассыпалась в похвалах автору „Кобзаря“: „Мы прочли это собрание с величайшим удовольствием и рекомендуем его всем любителям малороссийской поэзии. В стихах г. Шевченко много огня, много чувства глубокого, везде дышет в них горячая любовь к родине. Его картины верны с натурой и блещут яркими живыми красками. Вообще у автора этих малороссийских стихотворений виден талант неподдельный“¹⁸. Даже и эти краткие справки опровергают распространявшуюся украинскими „патриотами“ выдумку об отрицательном отношении к Шевченко всей русской критики.

Для полноты картины можно добавить, что и рядовые читатели, в особенности провинциальное украинское помещичество (довольно долгое время отравлявшее Шевченко рядом националистической романтики) с восхищением приняло „Кобзаря“. Мы упоминали выше о восторженном отзыве Гребенки; в письме к И. И. Срезневскому другой украинский поэт, А. Метлинский, говорил о „необыкновенном даровании поэта Шевченко“ (письмо от 26 августа 1840 г.), а престарелый Г. Ф. Квитка (Основьяненко) следующим образом описывал самому Шевченко впечатление от его первых опытов: „...я почали вірші читати... так ну!... Бодай ви мене не злюбили, коли брешу: (волосся в мене на голові, що вже його і не багацько, та і те навстопужилося [волосы встали дыбом. — И. А.], а біля серця так щось і щемить, ув очах зеленіє... Дивлюсь... жіночка моя хусточкою очиді витира...“ (23 октября 1840 г.).

В течение самого непродолжительного времени Шевченко приобрел широкую популярность как украинский поэт: уже в начале 1842 г., рецензируя поэму Шевченко „Гайдамаки“, Белинский называет его „привилегированным малороссийским поэтом“. Вслед за быстро разошедшимся „Кобзарем“ Шевченко сам издает поэмы „Гайдамаки“ (СПБ., 1841)¹⁹ и „Гамалія“ (СПБ., 1844), а в 1843 г. продает „Кобзарь“ и „Гайдамаки“, принужденный к тому тяжелыми материальными обстоятельствами, „в вечное и потомственное владение“ книгопродавцу И. Т. Лисенкову, который и выпустил их в следующем году в одной книге (так называемый „Чигиринский Кобзарь“)²⁰. Наконец в 1845—1847 гг., незадолго до ареста, Шевченко задумывает новое издание своих стихов, предполагая очевидно использовать и наиболее приемлемые с цензурной точки зрения свои произведения, написанные после „Кобзаря“ и названных двух поэм. Вместе с тем во время неоднократных поездок по Украине поэт охотно делится с многочисленными приятелями своими бунтарскими, нецензурными стихами, которые расходятся по рукам во многих списках, в еще большей степени усиливая его популярность. В известном деле Кирило-Мефодиевского общества стихи Шевченко, найденные в копиях почти всех братчиков, явились одним из главных козырей обвинения. Следователь III Отделения отмечал, что стихи эти „исполнены ненавистью к правительству и, вероятно, сочинены с... целью посеять неудовольствие к властям в народе“.

1847 год в судьбе литературного наследства Шевченко является переломным. Поэт на десять лет совершенно исчезает из литературы, самое имя его подвергается запрещению. Бумаги его (к тому времени он уже весьма аккуратно собирал свои рукописи, переписывая стихотворения в особые тетради, подчас иллюстрируя их, сохранял отдельные листки и наброски, переписку и т. д.) в основной массе попали в III Отделение и сделались доступны для исследования лишь после революции 1905 г.²¹ Наконец большинство автографов Шевченко и списков его произведений, находившихся у его почитателей, подверглись массовому уничтожению, либо, в лучшем случае, были спрятаны под спудом и обнаружены лишь много лет спустя. Сам же поэт вынужден был тщательно таиться со своим писательством, в особенности на украинском языке: для стихов он заводит маленькие самодельные книжечки, удобные для конспирации (так называемые „захалавные“ книжечки, т. е. такие, которые легко можно спрятать в сапоге; впоследствии все эти книжечки были переплетены в одну). Несколько же лет (1850—1857) он вовсе не пишет по-украински и лишь в последние годы ссылки (с 1855) начинает писать русские повести и уже перед самым освобождением (с июня 1857)—дневник.

Как сказано выше, на десять лет (1847—1857) имя Шевченко совершенно исчезает из литературы, становится запрещенным. В 1857 г. П. Кулиш в своих „Записках о Южной Руси“ — сборнике украинских этнографических и исторических материалов — печатал поэму Шевченко „Наймичка“ не только без имени автора, но и с тщательной зашифровкой его: „В затасканном и весьма неправильно исписанном альбоме, — писал он в предисловии, — какой-то уединенной мечтательницы, а, может быть, и веселой подруги целого общества сельских красавиц я нашел поэму, о которой до сих пор не слышал ни от кого ни слова. Имя автора на ней не обозначено, и я даже не знаю, кто бы мог быть ее автором“²². Несколько позднее тот же Кулиш печатает несколько стихотворений Шевченко в своем альманахе „Хата“, а в 1860 г., после долгих цензурных мытарств, Шевченко удается выпустить новое издание „Кобзаря“.

«ЦЫГАНКА, ГАДАЮЩАЯ МАЛОРОССИЯНКЕ»

Акварельный рисунок Т. Г. Шевченко 1841 г.

Музей изобразительных искусств, Москва

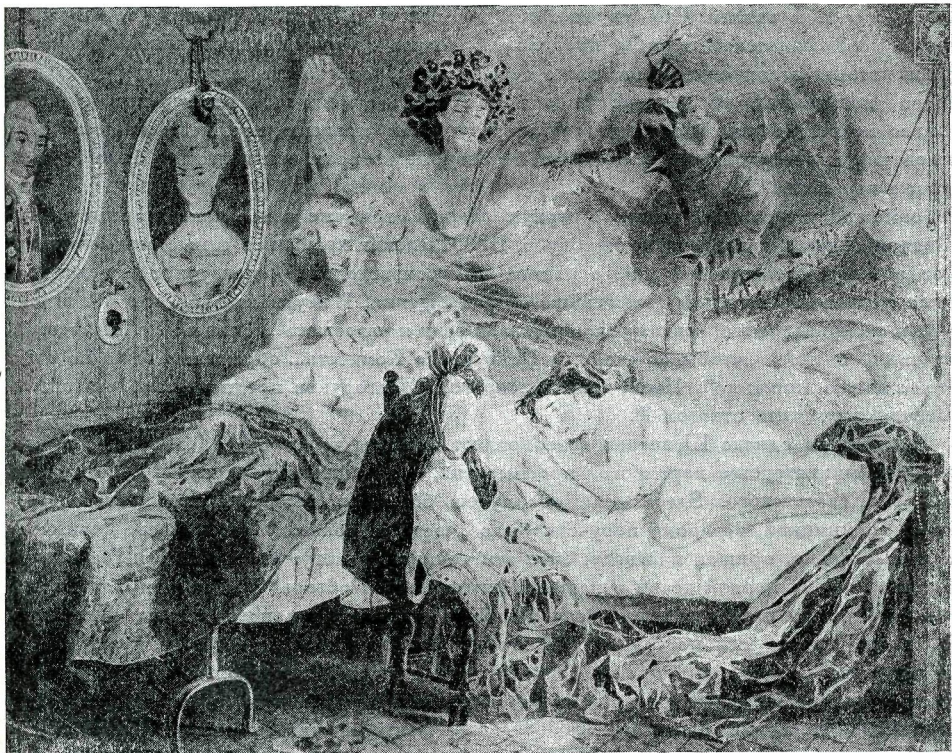
Кулиш явился первым редактором и интерпретатором Шевченко, и потому на нем мы несколько задержимся.

Фигура Кулиша — идейного родоначальника современного украинского фашизма и воинствующего национализма — в настоящее время в достаточной степени выяснена. Даже в личных отношениях Кулиш и Шевченко всегда были классовыми антиподами. И может быть именно поэтому Кулиш во все время знакомства и приятельства с Шевченко стремился к опеке над поэтическим творчеством последнего, стремился во что бы то ни стало повернуть его по наиболее желательному для него, Кулиша, руслу. Попытки эти начались еще до ссылки ²³ и приобрели особенно упорный и систематический характер в 1857—1861 гг., когда Кулиш оказался на ролях редактора шевченковской поэзии. Мы упоминали уже о напечатанной Кулишом поэме Шевченко „Наймичка“. Узнав о том, что какой-то московский журнал (очевидно „Русская Беседа“) предполагает поместить еще несколько стихотворений украинского поэта, Кулиш решительно настаивает на предварительной присылке посылаемых стихотворений ему на просмотр: „Если... у тебя имеются хорошие стихотворения... то пришли сперва мне их на просмотр, чтобы пошли они из моих рук, как Наймичка, которую — сам видишь — я не испортил. Искренне люблю твою музу и не пожалеею времени переписать то, что она тебе внушила, — пусть не является среди людей расерзанной и растрепанной цыганкой; пусть явится миру красивой девушкой, отцовой дочерью, чтобы по дочери можно было узнать и отца“ (письмо от 22 декабря 1857 г.; перевод с украинского). Совершенно понятно, что причисывая и принаряжая „наймичек“, „покрыток“ Шевченко, делая их „отцовыми дочерьми“, Кулиш искажал классовый смысл и характер его поэзии, искажал совершенно сознательно, во имя своих националистических идеалов. Недаром в только что цитированном письме он усиленно просит Шевченко возобновить в памяти поэму „Іван Гус“, отобранную при аресте и считавшуюся безвозвратно утерянной ²⁴: поэма эта при всем своем антиклерикализме проникнута славянофильскими тенденциями, которые увлекали Шевченко недолгое время в 40-х годах и от которых он впоследствии отошел навсегда. И недаром, несколько позднее, познакомившись с новой поэмой Шевченко „Неофіти“, где под видом „первомучеников христиан“ были выведены декабристы, а в лице кровожадного Нерона — сам „неудобозабываемый тормаз“. Николай I, Кулиш решительно восстал против печатания ее. „Твои Неофиты, брат Тарас, — писал он (20 января 1858 г., перевод с украинского), — хорошая вещь, да не для печати... Не годится напоминать сыну об отце, ожидая от сына какого бы то ни было добра. Он ведь у нас теперь первый человек: если бы не он, то идохнуть нам не дали бы. А освобождение крепостных — тоже его дело. Ближайшие теперь к нему люди душою — мы, писатели, а не пузатые чины. Он любит нас, он нам верит, и вера не посрамит его“. И снова он обращает внимание своего корреспондента на „Гуса“, соблазняя его: „там бы тебе было где разгуляться; а панство — такая ничкемність, что оскорбляй его сколько хочешь — всякий скажет спасибо. Тут же и рыцарство у тебя под боком, и вассалы, и славяне с немцями, и богатое еврейство — широкая выйдет поэма“. В этих отрывках — весь Кулиш: либерал с „монаршьего соизволения“, ибо таков принятый государственный курс, он стремится избегать всего, что может повредить миру единения царя с писателями; последние же его слова нельзя толковать иначе, как желание отвлечь поэта-революционера от „опасных“ тем: уж если тот, дескать, во что бы то ни стало жаждет бранить панство, — пусть лучше упражняется на панах, рыцарях и евреях XV в., где никто не будет затронут персонально и никаких опасных аналогий с современностью как будто не предвидится ²⁵.

„Никто выше меня не denied этот дивный стих“, заявлял впоследствии Кулиш, добавляя в другом месте, что относился к стихотворениям Шевченко так, словно это были его, Кулиша, собственные стихотворения. Приведенные выше справки показывают тенденции редакционной работы Кулиша. При жизни самого Шевченко тенденции эти проявлялись преимущественно в советах, которыми Шевченко не воспользовался; зато тотчас после смерти поэта Кулиш приступил к публикации его литературного наследия (в „Основе“) и здесь имел полную возможность осуществить на деле все свои советы и настояния. Он произвольно снабжал отдельные стихотворения собственными заголов-

ками, сокращал их, выбрасывая по своему усмотрению отдельные строки и целые эпизоды, иногда исправлял ритмические или стилистические „неправильности“. В предисловии к незаконченной поэме Шевченко „Черниця Мар'яна“ он пишет, что „списал ее с оригинала, часто очень нечеткого и сбивчивого, собственноручно, и некоторые места редактировал, заменяя, по возможности, авторскую работу“²⁶. Наконец целый ряд произведений Шевченко был им вообще устранен от публикации, частью по художественно-стилистическим соображениям („необработанность“, „незаконченность“, „слабость“ стиха или выдумки и т. д.), частью по соображениям цензурным; цензура дружеская в данном случае предупреждала правительственную и часто оказывалась значительно строже и неуступчивее последней. Интересен в этом отношении эпизод с „Неофітами“: уступая желанию кое-кого из друзей поэта напечатать ее в „Основе“.

КОПИЯ С КАРТИНЫ К. БРЮЛЛОВА «СОН БАБУШКИ И ВНУЧКИ»

Акварель Т. Г. Шевченко

Музей изобразительных искусств, Москва

Кулиш постарался елико возможно обезвредить ее, он не только произвел в ней ряд сокращений, но и написал к ней „несколько предварительных слов“, тщательно подчеркивая, что поэма „относится к временам первых мучеников за веру в живую Истину“ что в поэме „главную роль играет сердце матери“ и что „интерес этой поэмы — общечеловеческий“. Только какому-то неизвестному нам счастливому случаю обязаны мы тем, что этот „дружеский“ комментарий, выхолощивавший (даже после цензурных урезок) подлинный классовый смысл поэмы, не увидел в свое время света²⁷.

Последние годы жизни Шевченко (1858—1861) заняты борьбой с цензурой и III Отделением за право печатания своих произведений. Еще возвращаясь из ссылки, в Нижнем-Новгороде, а потом в Москве, он переписывал начисто свои произведения „для печати“, беспокоясь о том, „как-то примут земляки мои мою невольническую Музу“ (записи в дневнике от 4, 5, 6, 18 марта 1858 г. и др.). Одновременно и „друзья“ (М. Максимович, П. Кулиш, Н. Костомаров) выражали пожелания увидеть в печати как „Коб-

зарь" и „Гайдамаки“, так и написанное поэтом за десять лет неволи. Экспансивный настойчивый Кулиш даже создавал план издания книги „Думи, пісні і поеми Шевченка“, не забывая при этом добавить, что „всякое твое писание нужно проесть сквозь решето [редакторское! — И. А.], чтобы не осталось шелухи“ (письмо от 9 февраля 1858 г., перевод с украинского). Тотчас же по приезде в Петербург Шевченко записывает в своем „Дневнике“ : „Поручил Каменецкому хлопотать в Цензурном Комитете о дозволении напечатать Кобзаря и Гайдамаки под фирмою: Поэзии Т. Ш.“ (11 апреля 1858 г.). Прошло однако свыше полугода, пока это поручение претворилось в дело: лишь 27 октября 1858 г. поэт подал на имя шефа жандармов кн. В. А. Долгорукова прошение о разрешении перепечатать новым изданием ранее изданные книги, которые еще в 1847 г. „высочайше повелено“ было „запретить и изъять из продажи“. „Я потерпел наказание, — писал он, — собственно за мои рукописи, которых никогда не желаю видеть в печати. Что же касается до печатных моих сочинений, то они и во время моей солдатской службы продолжали ходить по рукам и продаваться разными букинистами, а запрещение наложено было на них, так сказать, зауряд, для усиления моего наказания“. И дальше: „прося Вас снять с моих книг запрещение, я прошу только позволить мне пользоваться литературными правами предшествовавшего царствования и постановлениями тогдашней цензуры, которая, как известно, была гораздо строже нынешней“.

Возможно, что хлопоча издать в первую очередь свои уже ранее напечатанные книги, Шевченко делал тактическую ошибку: в III Отделении хранились самые резкие отзывы жандармских следователей даже о ранних его произведениях²⁸; цензурное же ведомство было уstraшено жупелом „высочайшего“ запрещения. И неудивительно, что оба ведомства в официальных справках рекомендовали если и разрешать „сочинения г. Шевченко“, то лишь с тем, „чтобы со стороны Цензурного Комитета... обращено было на оные строжайшее внимание“. После таких „справок“ Долгоруков предпочел на ходатайство Шевченко ответить отказом²⁹.

Вслед затем однако Шевченко возобновляет хлопоты через более „либеральное“ ведомство министерства народного просвещения, — персонально через И. Д. Деянова и Е. П. Ковалевского. Здесь дело обернулось более благоприятно, и один из цензоров — Тройницкий, которому поручено было „частным образом“ рассмотреть произведения Шевченко, пришел к выводу, что эти сочинения могут быть одобрены к новому изданию, кроме первой песни в поэме „Чигиринский Кобзарь“³⁰. Так как этим отзывом возможная вина за пропуск сочинений вчерашнего ссыльного солдата перекладывалась на другое ведомство, то и Долгоруков на этот раз „не встретил препятствий“ к изданию напечатанных прежде сочинений художника Шевченко... с тем, чтобы оные были вновь подвергнуты цензурному рассмотрению и чтобы при этом обращено было особенное внимание на поэму [так! — И. А.] „Чигиринский Кобзарь“. Однако вместо „напечатанных прежде сочинений“ Шевченко представил в цензуру рукопись, куда включил и „Наймичку“, и „Псалми Давидові“, и пролог к поэме „Іван Гус“, и „Невольника“, и еще несколько стихотворений, написанных в ссылке. Цензор Петербургского цензурного комитета Палаузов, рассматривавший рукопись и получивший, нужно думать, определенные инструкции со стороны цензурного начальства, отнесся к произведениям „отставного солдата“ и недавнего изгнанника довольно милостиво. „Общий характер поэзии Т. Шевченко, — писал он, — за исключением некоторых повестей и баллад, как то: Катерина, Наймичка, Утоплена и др., относится не столько к быстрой незначимости Малороссии, сколько к минувшей ее славе, выражавшейся в ее походах на Цареград, как напр. Гамалия, в ее повсеместном восстании на жидов и польское иго, как напр. Гайдамаки. Воинская слава Малороссии, перешедшая в народную думу и предание, составляет неотъемлемую собственность этой страны, признанную за ней самой историей... Сглаживать подобный колорит в произведениях литературных из опасения, чтобы не возбудить местный патриотизм, было бы излишним опасением, потому что все доселе изданные малороссийские думы еще в большей мере пропитаны тем же духом воинственной эпохи Малороссии“. Подобный „либеральный“ для цензора подход не помешал однако Палаузову исключить из рукописи ряд

мест и отдельных стихотворений „как резкое противоречие современного развития общества“. „Если поэт, — пишет Палаузов, — восклицает с сожалением:

Не вернуться воля,
Не вернуться запорожці
Не встанут гетьмани,
Не покрийть Україну
Червоні жупани!.. —

то едва ли можно допустить, чтоб большинство искренне желало возвращения того дикого состояния Украины, в каком она находилась во время гетманщины. Без всякого патристического лицемерия можно сказать утвердительно, что Малороссия только со времени ее присоединения к Великодержавии отдохнула от постоянных бичеваний, которые она терпела то со стороны татар, то от Польши“. „По моему мнению, — заканчивал цензор свое заключение, — самая незначительная часть представленного собрания стихотворений Т. Шевченко, и то мною указанных мест, может быть подвергнута вторичному рассмотрению Главного управления цензуры. Остальные же пьесы не заключают в себе ничего противного общим правилам цензурного устава и к напечатанию их никакого препятствия не встречается“.

Главное управление цензуры, куда, для апробации, было передано дело, отнеслось к „Кобзарю“ строже Петербургского комитета. Тот же Тройницкий, к которому снова попала рукопись, потребовал исключить 8 стихотворений целиком, 44 стиха из „До Основьяненка“, 59 стихов из поэмы „Невольник“, пролог к поэме „Гайдамаки“, не говоря уже о множестве более мелких урезок; с большинством требований Тройницкого согласилось и Главное управление, и 28 ноября 1859 г. было подписано цензурное разрешение. Впечатление, произведенное на поэта цензурными операциями, выражено в письме к предполагавшемуся издателю книги П. Симиренко, следующим образом: „Сегодня, — писал Шевченко 26 ноября 1859 г., — получил я мои сочинения из Цензурного Комитета, сильно пострадавшие от долговременной пытки“. В начале 1860 г. новое издание „Кобзаря“ увидело свет далеко не в том виде, в каком желал бы видеть его автор. В процессе печатания удалось, правда, внести в текст отдельные незначительные поправки и изменения, а в нескольких экземплярах были восстановлены даже цензурные пропуски³¹. Имеются сведения, что корректуру книги правил сам поэт, и это в глазах некоторых позднейших редакторов (в частности и автора настоящей статьи; см. дальше) придавало ему особенное значение — последнего (и, как думалось, канонического) текста; имелось в виду при этом и существование экземпляра „Кобзаря“ (так называемый экземпляр Ю. Цветковского) с многочисленными авторскими исправлениями и восстановлением цензурных пропусков. Подробнее об этом еще будет речь дальше.

Следует однако со всей категоричностью признать, что „Кобзарь“ 1860 г. в судьбе литературного наследия Шевченко является лишь случайным, не имеющим большого значения эпизодом; сам поэт в значительной степени был склонен смотреть на него лишь как на источник известного материального благополучия (Варфоломею Шевченко он писал 1 февраля 1860 г., что „Кобзарь хороший чинш платит“) и не оставлял мысли об издании своей „Поэзии“ если не в полном виде, то с меньшими цензурными исключениями. В свое время один из первых исследователей шевченковского текста, В. Доманицкий, выражал удивление по поводу того, что большая часть очень ценных поправок и текстологических новелл, внесенных поэтом в подготовленное издание 1858 г. (ныне находится в Институте Шевченко, Харьков), игнорируется всеми позднейшими издателями, в первую очередь самими Шевченко в „Кобзаре“ 1860 г.³² О. Дорошкевич недавно пытался всю вину свалить на Кулиша, который, дескать, и провел все сокращения и изменения в книге без согласия самого поэта. „Ведь цензура, — писал Дорошкевич, — разрешила перепечатать „текст напечатанной уже книги Шевченко“... т. е. этот экземпляр 1858 г.; очевидно Кулиш использовал удобные условия печатания в своей типографии, чтобы внести в текст некоторые коррективы“³³. Знакомство с цензурным делом (а Дорошкевич на него ссылается!) совершенно убе-

дительно доказывает, что соавтором поэта в издании 1860 г. в действительности был цензор: в ряде мест цензор просто заставил Шевченко возвратиться к текстам 1840 и 1843 гг. (как текстом печатным): ряд же мест поэт был вынужден был редактировать иначе, опять-таки чтобы удовлетворить взыскательную цензуру. Нельзя конечно отбрасывать и какого-то участия „друзей“ и „приятелей“ Шевченко (в том числе конечно и Кулиша) в „обезвреживании“ „Кобзаря“; думается однако, что участие это в данном случае было незначительно. По выходе книги в свет Шевченко внес в свой экземпляр (позднее перешедший к Ю. Цветковскому) ряд поправок, возможно желая приблизить текст к обработанному им для издания 1858 г.; однако сделано это было очевидно по памяти, более или менее случайно, — и это обстоятельство отнимает у „Кобзаря Цветковского“ право на канонический текст „Кобзаря“, хотя и не позволяет совершенно игнорировать его в истории шевченковских текстов ³⁴.

III

Выше мы неоднократно упоминали о „приятелях“ и „друзьях“ Шевченко, заключая в большинстве случаев эти определения в кавычки и желая этим подчеркнуть условный, иллюзорный их характер. Шевченко быстро и охотно сходилась с людьми, и диапазон его друзей был поистине огромен — от безвестного солдата Скобелева, трогательную биографию которого он записал в своем дневнике, и до генерала Кухаренко, верного орудия империалистической политики Российской империи на Кавказе, от демократ-революционера Сераковского до братьев Лазаревских, исполнительных чиновников, сочетавших дружбу с опальным поэтом и преданную службу „царю и родине“. При этом состояние документальных и мемуарных данных таково, что о знакомстве Шевченко с теми же Лазаревскими, Кухаренко, либералом Костомаровым, семейством графа Ф. П. Толстого мы знаем неизмеримо больше и полнее, чем о связях его с революционными кругами и их отдельными представителями — петрашевцами, Сераковским, Чернышевским и др. Последние конечно идейно были ближе Шевченко, знакомство с ними оказывало могучее влияние на его творчество, стимулируя бунтарские, революционно-демократические порывы и настроения самого поэта: однако лишь теперь, лишь постепенно удастся выявить в творчестве поэта эти влияния и на основании их, на основании отдельных, отрывочных мемуарных замечаний и документальных упоминаний реконструировать революционные связи Шевченко.

Дворянско-помещичьи знакомства поэта высоко превозносились буржуазным шевченковедением, отдельные „приятели“ (кн. Репнина, Лазаревские, Костомаров и др.) вводились чуть ли не в перл создания. Редактор переписки Шевченко, контрреволюционер С. Ефремов, не находит похвальных слов для характеристики П. Симиренко, богатого украинского сахарозаводчика, одолжившего поэту деньги на издание „Кобзаря“ 1860 г. Княгиня В. Репнина и графиня А. Толстая также рисовались иконописными чертами... А между тем, оценивая в настоящее время роль всех этих „искренних“ и „единственных“ друзей поэта в его биографии, в его творчестве, нельзя характеризовать ее в общем и целом иначе как отрицательную, тормозившую развитие его творческих сил и возможностей. За свою дружбу „друзья“ требовали вознаграждения — отказа от революционного бунтарства, от заострения социальных мотивов, требовали либо аполитичности в творчестве, „искусства для искусства“, либо возвращения к тем националистическим и славянофильским темам и настроениям, которым поэт отдал дань в ранние годы своей деятельности и к которым впоследствии уже не хотел возвращаться. Пускались в ход прямые советы и рецепты, что и как писать (Кулиш; см. выше), делались попытки ввести Шевченко в „благопристойную“ (resp. консервативную) литературную среду³⁵. Наконец особенно поощрялись занятия Шевченко живописью как более безопасные политически, не сулящие тех „неприятностей“, какие постигли его за поэтическое творчество. И, кто знает, не влиянию ли „друзей“ поэта обязаны мы тем, что он в последние годы жизни писал так мало сравнительно с годами, предшествовавшими солдатчине и ссылке.

Во избежание недоразумений считаем нужным оговориться, что мы вовсе не предполагаем огульно брать под подозрение искренность чувств к поэту всех его „друзей“.

КОПИЯ С КАРТИНЫ К. ВРЮЛЛОВА «ПРЕРВАННОЕ СВИДАНИЕ»

Акварель Т. Г. Шевченко

Музей изобразительных искусств, Москва

и „приятелей“: их поступки, советы и влияния, несомненно, диктовались любовью и уважением к поэту, но — продукты своей социальной среды и обстановки — они стремились и Шевченко, человека классово и идейно им чуждого и даже в большинстве случаев полярного, вовлечь в сферу своих настроений, ощущений и переживаний. Здесь мы снова встречаемся с „борьбой за Шевченко“: в данном случае борьбой между самим поэтом, писавшим для тысяч и миллионов трудящихся, боровшимся за свободную и независимую Украину без „холопа и без пана“, боровшимся против социального гнета и насилия, и буржуазно-помещичьим, националистическим лагерем окружавшим поэта и стремившимся притупить социальную заостренность поэзии Шевченко, обезвредить ее, низвести до роли услужителя своих буржуазно-помещичьих будней.

С особенною яркостью это обнаружилось тотчас же после смерти Шевченко. Выполняя неписанную волю поэта, „друзья“ решили все его имущество (одежду, книги, картины и рисунки) реализовать и вырученную сумму переслать его нуждавшимся родственникам, лишь незадолго перед тем выкупленным из крепостной зависимости. Благодаря этому мы в настоящее время имеем два таких ценных документа, как описи вещей поэта, его картин и библиотеки³⁶, позволяющих в значительной степени воссоздать бытовую обстановку, окружавшую поэта в последние годы его жизни. Что же касается наиболее ценной и существенной части шевченковского имущества — его рукописей и бумаг, то последние без всякой описи были взяты на сохранение ближайшими „друзьями“ и попросту разделены ими между собой! Правда, основную часть архива поэта оставил у себя его душеприказчик М. М. Лазаревский, но ряд автографов был раздран им „на память о поэте“. Да и основная часть архива не сохранилась полностью: позднее ее, в свою очередь, поделили между собой братья Лазаревские (Михаил, Василий, Александр), часть рукописей была продана известному собирателю В. В. Тарновскому в Чернигов, часть оказалась в Киеве, в руках редактора „Киевской Старины“ В. П. Науменко (две рукописные книги, о которых упоминалось выше, содержащие все поэтическое творчество Шевченко за 1847—1861 гг.). Лишь в настоящее время удалось снова воссоединить эти разрозненные части в Харьковском институте шевченковедения, воссоединить далеко не полностью, ибо например несколько автографов, принадлежавших А. М. Лазаревскому, его наследниками были увезены за границу, отдельные автографы, заведомо, по прежним публикациям, находившиеся в руках Лазаревских, оказались утраченными и т. д.

Для характеристики отношения „друзей“ поэта к его рукописному наследию показательна судьба рукописей его русских повестей. Как вполне убедительно показал Е. С. Шаблиовский, обращение к творчеству на русском языке во время ссылки вызвано было желанием Шевченко как можно полнее использовать все средства, находившиеся в его распоряжении, для революционной борьбы: „русское слово наряду с украинским было для Шевченко... существенным оружием в борьбе единым фронтом, с русскими демократами против царской России“³⁷. Напротив, для буржуазных националистов, начиная с „друзей“ поэта, самый факт существования русских рукописей Шевченко (кроме ряда повестей по-русски написан также дневник поэта) представлялся фактом настолько неприятным, разрушающим созданный ими канон „национального гения“, что они стремились — раз нельзя было совершенно скрыть его существование — всячески замазать его и завуалировать. Наиболее откровенно выявил это в письме к самому Шевченко еще П. Кулиш. Доказывая поэту, что тот „оскорбляет“ себя русскими повестями перед людьми, что для того, „чтобы писать... по-русски нужно жить среди русских писателей и многому научиться“, Кулиш заявляет: „Если бы у меня были деньги, я купил бы их [повести русские. — И. А.] у тебя и все сразу и сжег“ (письмо от 1 февраля 1858 г., перевод).

К счастью сжечь русские рукописи Шевченко „друзья“ его все же не решились и ограничились „полумерами“. В мартовской книге „Основы“ за 1862 г. было напечатано следующее „Извещение о прозаических сочинениях Т. Г. Шевченко на великорусском языке“:

„По смерти украинского поэта Т. Г. Шевченко осталось одиннадцать рукописей,

в которых заключаются литературные (довольно слабые) сочинения поэта, писанные на великорусском языке, прозою.

Из этих рукописей девять переписаны рукою Шевченко вполне, одна — наполовину, а другая ее половина и еще одна рукопись только исправлены автором. Все они переписаны на серой плохой бумаге и большей частью не сшиты в тетради, а только сложены в четверть и поллиста.

Сочинения эти как редкость продаются все вместе и каждое отдельно (но без права издания, которое остается за наследниками) по следующей цене:

1) *Наймычка*, написанная 25 февраля 1844 года, в Переяславле, на $15\frac{1}{2}$ листах, сложенных в $\frac{1}{4}$ листа — 50 р.

2) *Варнак*, 1845 г., в Киеве, $13\frac{1}{2}$ листов — $\frac{1}{4}$ л. — 40 р.

3) *Княгиня*, 1853 г., подписано Дармограй (псевдоним Шевченко); без конца, 3 листа — $\frac{1}{4}$ л. — 10 р.

4) *Музыкант* — 28 ноября (начата), 15 января (окончено), 10 листов — $\frac{1}{4}$ л. — 30 р.

5) *Несчастный*, 24 января и 20 февраля 1855 г., $7\frac{3}{4}$ л. — $\frac{1}{4}$ л. — 25 р.

6) *Капитанша*, 5 марта, $4\frac{1}{2}$ л. — $\frac{1}{4}$ л. — 15 р.

7) *Близнецы*, 10 июня и 21 июля, $13\frac{1}{3}$ л. — $\frac{1}{4}$ л. — 40 р.

8) *Художник*, 25 января и 4 октября 1856 г., 10 л. — $\frac{1}{4}$ л. — 30 р.

9) *Драматическое произведение без названия и конца*, неизвестно какого времени, 3 л. — $\frac{1}{2}$ л. — 10 р.

10) *Прогулка с удовольствием и не без морали*, в двух частях. Первая часть, на $22\frac{1}{2}$ листах, переписана не Шевченко, а только им исправлена (30 ноября 1856 года); вторая же часть, на 23 листах, переписана самим Шевченко. Под обоими подписи Дармограй — $\frac{1}{2}$ л. — 100 р.

11) *Повесть о безродном Петрусе*, неизвестно какого времени, переписанная не Шевченко, а им только исправленная, $23\frac{1}{2}$ л. — $\frac{1}{2}$ л. — 25 р.

Желающие приобрести эти рукописи могут адресоваться к доверенному от наследников Шевченко, Михаилу Матвеевичу Лазаревскому, в Москву, на Сивцовом Вражке в доме Дымковой, с приложением денег, для доставления их наследникам покойного поэта.

Мы были бы весьма благодарны за перепечатку этого извещения и в других изданиях³⁸.

Все примечательно в этом объявлении: и заботливая оговорка о „слабости“ повестей, и другая оговорка о том, что они продаются „как редкость“, „без права издания“, и наряду с этим тщательное, подробное описание рукописей, и наконец упоминание о продаже оптом и в розницу. Во всяком случае свое дело это объявление сделало: в течение двадцати с лишним лет об этих рукописях ничего не было известно, пока в 80-х годах часть их не была опубликована — сперва в ряде журналов и газет („Труд“, „Исторический Вестник“, „Киевская Старина“), а затем и отдельно³⁹. И выяснилось, что рукописи никуда не были проданы, но мирно покоились под спудом у одного из ближайших „друзей“ Шевченко — Костомарова, и „мысль об издании их принадлежит не покойному нашему историку, но близким к нему почитателям памяти славного поэта, по просьбе которых они и переданы были Николаем Ивановичем для приведения их путем печати во всеобщую известность“. И еще выяснилось, что из перечисленных в объявлении „Основы“ произведений бесследно пропали два: „Отрывок драматического сочинения“ и „Повесть о несчастном Петрусе“...

Совершенно очевидно, что объявление было лишь своеобразным маневром для сокрытия рукописей. В действительности деньги за рукописи, для пересылки родственникам Шевченко, были собраны среди „своих“, сами же рукописи спрятаны до поры до времени у Костомарова, который лишь со временем, под натиском общественного мнения, согласился (да и то не сразу) опубликовать их; недостающие же две рукописи по видимому следует считать безвозвратно утерянными⁴⁰.

Эпизод с русскими повестями Шевченко, как сказано, чрезвычайно типичен для судьбы всего вообще его литературного наследства. С украинскими произведениями „друзья“ Шевченко не могли конечно проделывать подобных манипуляций, но и здесь мы встре-

чаемся с сознательным припрятыванием тех произведений, которые, дескать, пятнают славу поэта (точнее говоря, не отвечают буржуазно-националистическому канону „народного поэта“), с не менее сознательным редакторским вмешательством в издаваемые тексты. Как видно из приведенных выше цензорских отзывов Тройницкого и Палаузова, при жизни Шевченко увидели свет преимущественно ранние его произведения с националистическо-романтическими тенденциями и некоторые бытовые произведения, в которых социальные мотивы не слишком бьют в глаза. Антирелигиозные же и революционные произведения, в том числе и те, за которые поэт поплатился ссылкой, конечно оставались неизданными и ходили по рукам в ряде списков. И перед первыми редакторами Шевченко естественно встал вопрос—что и как издавать.

„В наших руках теперь,—писала редакция „Основы“ тотчас после смерти поэта,—находится драгоценное собрание неизданных его стихотворений, лично нам переданных поэтом при первой вести об „осуществлении южнорусского вестника“⁴¹. Однако „Основы“, как мы уже знаем, опубликовала лишь некоторую часть переданных ей рукописей, да и к тому, что было в ней опубликовано, приложил руку Кулиш... Несколько лучше обстояло дело с затеянным в 1867 г. изданием „Кобзаря“, вышедшим под редакцией Н. Костомарова и Г. Вашкевича; за него были собраны все известные рукописи Шевченко и проведена, вообще говоря, добросовестная текстологическая работа; однако классовая ограниченность редакторов и здесь проявилась. „Некоторые стихи,—писали редакторы в предисловии,—быть может и не кстати; это потому, что покойный кое-что не окончил, кое-что не исправил, а кое-что и вовсе не хотел печатать; но, добыв писанные собственноручно его произведения от искреннего его друга, покойного М. М. Лазаревского, мы, чтя имя и память Тараса, хотели, чтобы каждая нота, им писанная, насколько возможно, сделалась известна без всякого изменения; ибо кто же отважится поправлять Шевченко?“⁴² Таким образом сами редакторы подчеркивали не полную своего издания, сами они, в первую очередь, устанавливали степень цензурности отдельных произведений и вариантов, сами они стремились в максимальной степени обезвредить книгу, автор которой и за гробом продолжал быть опасным: недавно в одном анонимном письме, полученном шефом жандармов кн. Долгоруковым (март 1863 г.), писалось, что „из праха Шевченко возродилась целая шайка самых рьяных сепаратистов и ненавистников России“—самое тяжкое обвинение, какое только могла изобрести буржуазно-помещичья фантазия в своей классовой ненависти.

Впрочем и заранее принятые предосторожности все же не уберегли книгу от обвинения в неблагонадежности. Цензор Смирнов в специальном, чрезвычайно характерном заявлении Петербургскому цензурному комитету докладывал о „бесцензурной книге“ следующее: „Предметом песнопений Шевченко исключительно служит его родная Украина. Он с особенным сочувствием вспоминает о минувших временах казачьей воли, оплакивает падение этой воли, тягости крепостного состояния (все стихотворения его относятся к временам до 19 февраля 1861 г.) и клянет тиранство помещиков-яхлов. Поэт касается исключительно только мрачных сторон быта Малороссии и поэтому, в цензурном отношении, неодобрительны места, как будто пробуждающие стремление к сепаратизму сравнением жалкого позднейшего состояния Малороссии с прежним, до слияния с Россией; равно—места, где с ожесточением говорится о зверстве панов, помещиков в сопоставлении с страданиями крепостных людей, причиняемыми тем зверством. Но все сии места не представляют достаточных поводов к судебному преследованию книги как потому, что песни Шевченко суть только грустные воспоминания без всякой тенденции, так и потому, что с 19 фев[р]аля 1861 г. состояние крестьян в Юго-Западном крае совершенно изменилось, и элегии Шевченко могут производить впечатление только как предания. По цене (1 р. 25 к.) книга может быть доступна только людям достаточным, которые знают об участи Малороссии может быть больше, нежели сколько можно узнать из элегий Шевченко“⁴³. Каких-либо комментариев это „заявление“ вряд ли требует. Помимо „критических замечаний“ цензора, помимо сожаления о невозможности возбудить против книги судебное преследование оно свидетельствует о том, что усилия редакторов приспособить тексты Шевченко к цензурным российским условиям в общем оказались безуспешными.

СТРАНИЦА ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА Н. А. СТЕПАНОВА

Зарисовки и карикатуры на художников Штернберга, Петровского, Шевченко (два прифонажа) и др.
Институт Русской Литературы, Ленинград

В том же 1867 г. появилось двухтомное издание „Кобзаря“ за границей, во Львове. Более полное, чем кожаничовское, по количеству напечатанных в нем произведений Шевченко (217 против 182), оно замечательно разве как классический образец редакторской беспомощности, граничащей с подлинным недомыслием. Как вспоминал впоследствии один из редакторов, „автографов шевченковских у нас для проверки текстов не было, а вследствие переписки его произведений случайными людьми, попадали в текст, всевозможные ошибки и извращения или пропуски. К тому же еще мы и не знали как готовиться к критическому изданию“⁴⁴. Если к этим признаниям добавить еще, что группу редакторов этого издания составляло несколько представителей консервативно-клерикальной молодежи,—картина будет в достаточной степени полная. Среди произведений Шевченко фигурируют и стихотворения, ему не принадлежащие (между прочим „Ще не вмерла Україна“ П. Чубинского,—впоследствии гимн украинской националистической буржуазии); в угоду клерикальным настроениям редакторов и тех читателей, для которых они предназначали свою книгу, сделаны соответственные купюры; не говорим уже о качестве самих текстов, которое весьма категорически оценил один из редакторов в приведенной выше цитате.

Следующее издание „Кобзаря“ появилось лишь спустя десять лет—в 1876 г.—за границей, в Праге. Существуют указания на то, что в течение этих десяти лет несколько раз делались попытки издания, попытки бесплодные вследствие упорного сопротивления цензуры. Поэтому украинские либералы, скрепя сердце, решились перевести издание „Кобзаря“ за границу, а верные своей излюбленной тактике „золотой середины“, заигрывая, так сказать, „на два фронта“—с правительством и с демократами они решили весь накопившийся текстологический материал разделить на два тома по признаку его цензурности. „В первом томе,—писали издатели,—мы поместили все, что издавалось и до настоящего времени в России без изменений; во... второй том мы отнесли все те пьесы, которых либо вовсе не было в подцензурных русских изданиях, либо которые были в них испорчены цензорами“⁴⁵. Легко можно представить себе происшедшую из этого путаницу, усугублявшуюся еще крайней неопытностью редакторов (Ф. Волкова и А. Русова) в текстологических и эдидионных вопросах. Редакторы замахнулись очень широко: использовали богатый рукописный материал (автографы самого поэта и списки-копии), привлекли предшествовавшие издания, но подали все это в сыром, почти необработанном виде, наряду с ценными вариантами, извлеченными из рукописей, печатали такие, за которые, по собственному их признанию, отказывались нести какую-либо ответственность. Наконец примечания редакторов о происхождении того или иного варианта были настолько общи и неточны, что способны были лишь запутать читателя, взявшегося за их изучение. Прав был М. Драгоманов (также представитель украинской либеральной буржуазии, что увеличивает ценность даваемой им оценки), называя это издание „глупым“, говоря, что „это издание станет памятником оппортунизма, приспособления „духовных сынов“ Шевченко к российским казенным порядкам“⁴⁶.

Приспосаблились впрочем редакторы не только ко вкусам российской цензуры, но и к настроениям украинского буржуазного читателя. И если в первом томе они сохраняли в полной неприкосновенности изуродованный цензурой текст, то во втором они обращались с шевченковским текстом гораздо свободнее, в ряде случаев отдавая предпочтение редакторским конъектурам, неизвестно откуда взятым и весьма колоритным по своей классовой направленности. Чрезвычайно характерна в этом отношении „поправка“ (в стихотворении „До Основьяненка“) в стихе „Поборовся б з москалями“, который заменен ярко националистическим вариантом: „Поборовся б з кацапами“. Определенно националистический характер имеют и три стихотворения („В альбом“, „Гарно твоя кобза грає“ и „Полуботко“), приписанные Шевченко и в действительности ему вовсе не принадлежащие.

Мы не пишем сейчас истории „Кобзаря“. Отдельные издания его интересуют нас лишь как известные этапы судьбы литературного наследия Шевченко, как этапы борьбы за Шевченко. Не будем поэтому останавливаться на отдельных изданиях последующего тридцатилетия: о каждом из них пришлось бы повторить, почти без вариаций сказанное нами выше о кожаничовском, львовском и пражском „Кобзарях“; тексты

ПОРТРЕТ Т. Г. ШЕВЧЕНКО НА
ОДНОЙ ИЗ СТРАНИЦ АЛЬБОМА
ХУДОЖНИКА Н. А. СТЕПАНОВА

Институт Русской Литературы,
Ленинград

избирались случайно, искажались переписчиками, редакторами, типографией, цензурой, ошибки и искажения переходили из одного издания в другое, так сказать канонизировались, приводя подчас в смущение даже официальных хранителей шевченковского текста, украинских либералов. „Много изданий выдержал уже „Кобзарь“ Т. Г. Шевченко как в России, так и за границей,—писал в 1892 г. один из таких хранителей, В. П. Науменко,—но ни одно из них даже в минимальной доле не удовлетворяет научным требованиям. Не говорим уже об отсутствии комментариев к „Кобзарю“, но мы на каждом шагу встречаемся с колеблющимся текстом его и не знаем, какие существуют основания для этих разночтений: а при малейшей пробе приложить научный метод к проверке их весьма часто наталкиваемся на факты очевидной порчи авторского текста“⁴⁷. „Пусть же в эту 31-ю годовщину смерти Т. Г. Шевченко,—призывал Науменко,—хотя только начнется серьезная разработка всех материалов, необходимых для оценки и познания его“. В действительности приведения в относительный порядок текстологических материалов пришлось ждать еще тринадцать с лишком лет, а „серьезная разработка всех материалов“ начата по-настоящему лишь сейчас.

В объяснение и оправдание столь печального положения дела издания и изучения Шевченко обычно приводились ссылки на особо пристрастное, придирчивое отношение к украинскому поэту царской цензуры и в частности на цензурный террор по отношению к украинской литературе, установившийся после 1876 г. Конечно, дело не в одной цензуре, но замалчивать и обходить этот фактор никак невозможно. Нами собран обширный материал из архива цензуры, свидетельствующий о неусыпной бдительности по отношению к „Кобзарю“ царских чиновников, о весьма точном учете ими революционизирующего влияния произведений украинского поэта на массы. Приведем здесь несколько справок.

В 1882 г. Петербургский цензурный комитет и Главное управление по делам печати подробно обсуждали цензурность „Кобзаря“ в связи с новым изданием его, вышедшим затем в 1883 г.⁴⁸ Несмотря на то, что издание это заключало лишь те произведения Шевченко, которые не вызвали сомнений в своей цензурности и не раз помещались в предыдущих изданиях „Кобзаря“, комитет потребовал ряда дополнительных исключений. Совершенно предлагалось исключить: „Послание А. О. Козачковскому“, „в котором автор, жалуясь на тягость своего положения во время ссылки, дает слиш-

ком прозрачный намек на то, что пострадал единственно за страсть свою слагать стихи“, „Послание Н. И. Костомарову“, ибо „хотя в выноске к сему стихотворению и значится, что оно было напечатано в „Русской Старине“ 1880 г., № 3 (март), но едва ли оно может быть дозволено к напечатанию под цензурою, так как в нем как бы чувствуется та мысль, что автор был скорее невинным мучеником, чем преступником, заслужившим наказание“, „Хіба самому написати“, „в котором автор прямо высказывает, что ему неизвестна причина его ссылки, указывая как бы на то, что он неправильно был осужден“, „Як би тобі довелося в нас попаниувати“, „в котором автор, с ожесточением грозя панам за насилие их над девушками, как бы с одобрением относится к передаваемому им случаю, как один хлопец, застав пана, что он „мордує дівчину“, проткнул его как жабу вилами“, „П. С.“, „в котором высказывается до того глубокое отвращение к панам помещикам за их нечеловечное обращение с крестьянами, что легко может послужить поводом к возбуждению неудовольствия между сословиями“, и т. д.⁴⁹

Чрезмерное усердие петербургских цензоров на этот раз вызвало даже своеобразное „заступничество“ со стороны М. В. Юзефовича, члена Совета Главного управления по делам печати, известного инспиратора пресловутого указа 1876 г., направленного против украинской литературы, представителя махрово-консервативного украинского панства. Весьма резко и категорически Юзефович заявлял, что в „Послании к Козачковскому“ он не видит „ничего предосудительного“, что „Послание к Костомарову“ также совершенно невинное по содержанию“, что „заключение комитета о стихотворении „Згадайте, братія моя“ обуславливается вероятно недостаточным пониманием малорусского языка“, что „по поводу стихотворения „Хіба самому написати“ заключение Цензурного комитета ставит меня втупик“ и т. д.⁵⁰ Одновременно Юзефович делает попытку навязать свое толкование отдельных стихотворений Шевченко, толкование конечно в сугубо консервативном духе. Так в стихотворении „П. С.“, классовый смысл которого, неизбывная ненависть к панам, в общем верно разгадан Петербургским цензурным комитетом, Юзефович увидел следующее: „Здесь изображен в смешном виде „пан-народолюбец, потомок гетмана, предвзятый патриот и христианин к тому же, в Киев ездит каждый год, ходит между панами в свитке, пьет водку с мужиками и вольнодумствует с ними в кабаке“. Тут не возбуждение одного сословия против другого, а возбуждение народа против типа, к которому весьма желательно возбудить в нем недоверие“. То-есть Юзефович сатирическое изображение пана, которому „народолюбство“ не мешает истязать крестьян и насилловать девушек, переносит на „хождение в народ“ 70—80-х годов, предлагает использовать произведения Шевченко для борьбы с революционной опасностью и для компрометации отдельных участников революционного движения, выходящих из дворянской среды.

Примечательно общее заключение Юзефовича о цензируемом издании: „Вообще сборник стихотворений Шевченко не заключает в себе ни одного из известных мне стихотворений этого поэта, предосудительных по содержанию. Очевидно составители сборника сами старались очистить его от всего, что могло бы вызвать цензурные стеснения. Поэтому я положительно утверждаю, что можно совершенно безопасно разрешить его к выпуску в свет без всяких изъятий“. Похвала ревностного гасителя украинского слова „стараниям“ „составителей сборника“, украинских либералов, конечно оказала свое действие: урезанный и обдипанный „Кобзарь“ был выпущен в свет.

Это впрочем не помешало цензуре в следующие годы обратить свое внимание на отдельные произведения Шевченко. Так в 1885 г. по представлению киевского отдельного цензора В. Рафальского была запрещена перепечатка поэмы „Катерина“ отдельной брошюрой, так как „поэма эта вся проникнута нерасположением к „москалю“ и „Московщине“ и, распространяемая в Малороссии между простым народом, будет только способствовать поддержанию племенного антагонизма“⁵¹. В 1886 г. тот же Рафальский настоял на исключении из отдельного издания поэмы „Невольник“ нескольких строк об „ограблении москалями“ (солдатами) церкви Покрова и упоминания о Екатерине“⁵². В 1887 г. Петербургский цензурный комитет запретил помещение в сборнике украинских песен начала „Катерины“ („Кохайтесь, чорнобриві...“), распеваемого в некоторых

ХУДОЖНИК-БАГАЛИСТ К. А. ЗАУЗВЕЙД
Алловельный портрет Т. Г. Шевченко, 1843 г.
Государственный Литературный Музей, Москва

местах крестьянами как песня, так как в этой песне развивается неприязненное чувство ко всему русскому" ⁵³; им же (в 1888 г.) запрещены как „явно тенденциозные“ два романа М. Лысенко на слова Шевченко: „Минають дні, минають ночі...“, „Не женися на агатій...“: „в первом... говорится между прочим, что если страшно быть закованным в кандалы и умирать в неволе, то „горше того спать, спать и спать на воле“. Во втором певец говорит, что надо жениться на „вольной воле, на козацкой доле“ ⁵⁴. В другом месте, о романсе „Минають дні, минають ночі“, сказано, что „хотя это стихотворение и вошло в собрание сочинений Шевченко, но как текст к нотам оно по своей тенденциозности... представляется неудобным. Ибо для каждого украинифила понятно, о тяжести каких кандалов, о страхе какой неволи говорит здесь Шевченко“ ⁵⁵.

В 1891 г. подверглась запрещению поэма Шевченко „Іван Підкова“: цензурный комитет признал, что появление в печати этого стихотворения, „всего проникнутого сожалением об утраченной Украиной независимости, крайне нежелательно“. По своему небольшому объему как копеечная брошюра стихотворение будет иметь „несомненно самое широкое распространение и может возбудить в народных массах весьма опасные воспоминания“ ⁵⁶. Тогда же вторично было запрещено отдельное издание „Катерины“; цензор Фрейман признал, что „рассказы подобного содержания и притом написанные в таком растлевающем духе, должны угнетающим образом влиять на читателя из простонародья; они не только не могут доставлять здоровой пищи их умам, но скорее возвращают в них понятие о нравственности“. Петербургский же цензурный комитет, „вполне разделяя“ взгляд цензора, присоединил к нему следующее замечание „общего“ характера, к которому присоединился и всемогущий начальник Главного управления по делам печати Е. Феоктистов: „Украинифильские тенденции Шевченко слишком известны, как и его влияние на малороссов в сепаратистском направлении, почему, по мнению комитета, целесообразнее новые издания маленьких брошюр с тенденциозными произведениями этого писателя, подобно рассматриваемой, не допускать“ ⁵⁷. В 1892 г. тот же цензор Фрейман (а за ним и Петербургский цензурный комитет) исключил из сборника украинских песен пять стихотворений и стихотворных отрывков Шевченко „В стихотворении „Ой, гляжу я, подивлюся...“, — писал цензор в своем докладе, — автор высказывает глубокую гражданскую скорбь по поводу бывшего закрепощения крестьян... За уничтожением крепостного права стихотворение это, помимо того, что в настоящее время представляется крайне неуместным, оно, восстановлением в памяти печальных событий давно минувшей эпохи открывает повод к насильственному возбуждению страстей“. В таком же роде отзывы и об остальных стихотворениях ⁵⁸. В 1893 г. Главное управление по делам печати „признало необходимым“ „воспретить на будущее время выпуск в свет отдельным изданием поэмы „Гайдамаки“, о чем и сообщило циркулярно всем своим учреждениям без всякой мотивировки ⁵⁹.

В 1896 г., в связи с представленным в цензуру новым дешевым (цена 35 коп.) „Кобзарем“, у ретивых стражей государственного благополучия снова возникло беспокойство и как результат — стремление еще более обкарнать его. „После того как десятки тысяч экземпляров „Кобзаря“ успели уже проникнуть в среду читателей малороссийской публики, — докладывал цензор Коссович, — было бы конечно не совсем удобным отнестись в настоящее время с подобающей строгостью к содержанию всего вообще разбираемого сборника, потому даже, что имя Шевченко стало слишком известным далеко за пределами империи. Но всему есть мера. Культурно знаменитого писателя все же невозможно прикрывать злобные выходки, явно оскорбляющие честь России, нельзя наконец дозволить кому бы то ни было дерзко заявлять в печати, что наступит пора, когда Украина воспрянет, оживет“. Предлагая к исключению из „Кобзаря“ 15 отрывков, цензор следующим образом аргументирует это: „Наиболее убедительным мотивом настоятельной необходимости исключения вышеозначенных мест может послужить главным образом необычайная дешевизна (35 коп.) и быстрое распространение предполагаемого к напечатанию вновь сборника стихотворений Т. Г. Шевченко, ибо едва ли удобно способствовать широкому распространению „Кобзаря“ в первоначальном его виде“. Со своей стороны Петербургский комитет добавлял, что „уже одно быстрое распространение дешевого издания „Кобзаря“, разошедшегося в течение двух лет при относи.

тельной ограниченности круга читающих малороссийские произведения, говорит за то, что идеи Шевченко об Украине свободной, о ее угнетении воспринимаются. Представление это было целиком поддержано Главным управлением по делам печати, и понадобилось два года хлопот и ходатайств, обращения к министру внутренних дел и очевидно каких-то закулисных нажимов, чтобы исключенные места было разрешено восстановить⁶⁰.

Упомянем наконец о запрещении трех брошюрок с шевченковскими произведениями в 1900 г. Две из них („Невольник“ и сборничек под названием „Було колись“, куда вошли „Іван Підкова“, „Тарасова ніч“, „Гамалія“, „Чернець“ и т. д.) были запрещены потому 1) что входящие в состав рукописи стихотворения несут украинофильскую тенденциозную окраску и 2) что небольшой объем рукописи и вероятная ее дешевизна заставляют предполагать, что она предназначена для широкого распространения среди малорусского простого люда“⁶¹. В отзыве о третьей брошюре, содержавшей поэму „Княжна“, цензор Воршев особенно подчеркивал социальные ее мотивы. „Покойный поэт Шевченко,—писал он,—происходил из крестьян, страдал от помещичьего гнета и потому во многих своих произведениях старался излить всю свою ненависть к помещикам. Хотя это небольшое по объему стихотворение и вошло в общее собрание сочинений поэта, но издание такового в отдельности цензор полагал бы неудобным потому что написанное в форме популярной оно предназначается дешевым изданием для широкого распространения среди простого народа, при чем может и в настоящее время возбудить неприязнь последнего к дворянскому сословию“⁶².

В своей совокупности приведенные материалы дают весьма примечательную картину. Если учесть специфическую терминологию жандармско-цензурного ведомства, то во всех цензурских докладах и „донесениях“ проглядывает нескрываемая боязнь революционизирующего влияния шевченковского творчества на читающую публику, в особенности же на „простой люд“, на крестьянство. А ведь не следует забывать, что выбор произведений, представляемых в цензуру, принадлежал издателям—представителям „сознательной“ украинской буржуазии,—которые также предварительно препарировали тексты соответственным образом... И здесь мы снова должны остановиться на роли издателей Шевченко, сменивших постепенно вымерших его „друзей“ и также считавших себя непосредственными преемниками, хранителями и распорядителями его творческого наследия. Из приведенных материалов с полной очевидностью явствует, что в течение нескольких десятилетий украинская буржуазия не сделала никаких попыток добиться расширения количества дозволенных цензурой шевченковских произведений и отдельных стихов. Больше того: один из издателей „Кобзаря“, К. М. Гамалія, редактор „Киевской Старины“ и видный деятель украинского буржуазно-помещичьего просветительства, в жалобе министру внутренних дел на предположенные дальнейшие сокращения в издаваемом им „Кобзаре“ (см. выше) ставил себе в особую заслугу, что его издание „не привело ни к каким вредным для государства или общественных нравов последствиям“, но, наоборот, „служило до известной степени препятствием к проникновению в наше отечество „Кобзаря“ заграничных изданий, удовлетворяя эстетическим запросам читателей в соответствии с отечественными законами, к сему предмету относящимися“. Похвальба, заслуживающая внимания и соответственной оценки!⁶³

Что же касается заграничных изданий „Кобзаря“, то и они не могли принести чего-либо нового, так как их редакторы были оторваны от первоисточников и в лучшем случае могли добросовестно использовать существующие печатные издания. Не без основания обрушивался М. Драгоманов на одно из таких изданий: „Предназначено оно, как говорится, „для цели пропаганды“, и в нем избрано только „нецензурное“ из „Кобзаря“ уже без всякого хронологического порядка, так что в конце читатель теряет представление о том, что в действительности думал Шевченко, напр. хотя бы о вере: ибо напр. на стр. 80 Шевченко хочет „трубки от кадила закуривать“, а на стр. 114 сердится на тех земляков, которые говорят: „Нет ни ада ни рая“⁶⁴. Сам Драгоманов также пытался издать бесцензурный „Кобзарь“, и его переписка хранит следы весьма пессимистического отношения к возможности дать что-либо оригинальное. „Во всяком случае,—пишет он 1 апреля 1890 г. И. Франко,—хорошего издания не будет, а если

бы хотя повторить глуповатое пражское издание, но без вопиющих его глупостей" ⁶⁵. В весьма значительной степени вина за неудачи заграничных изданий „Кобзаря“ падает все на тех же украинских либералов, которые отказывались от всякой поддержки „нелегалщины“. Еще в конце 70-х годов Драгоманов просил у Костомарова уделить для издания „Кобзаря“ за границей часть фонда, собранного в начале 60-х годов для печатания украинских народных книг. Костомаров ответил отказом, ибо, писал он, „я надеюсь, что еще доживу до того времени, когда можно будет употребить эти деньги на то, на что они присылались, то-есть на печатание Евангелия, а если не доживу до того, то другие доживут“. И дальше: „Ваших планов о печатании за границей с целью—служить Малороссии—я не разделяю. Публики малороссийской—нет, а есть—народ, которому нужны элементарные книги, а не публицистика. Такая литература нужна, которая возможна только при полном согласии с властью, а ни при какой бы то оппозиции" ⁶⁶. Подобного же взгляда придерживалась и вся украинская „громада“ (полулегальная буржуазно-националистическая организация), оказывавшая Драгоманову материальную поддержку. В цитировавшемся уже выше письме к Франко Драгоманов с горечью вспоминает о том, что „земляки“ в свое время не захотели окончить предыдущее женеvское издание „Кобзаря“ (1881 г.), признав его „вредным“. Сам же Драгоманов не нашел в себе достаточных моральных сил, чтобы резко порвать с „земляками“ и самому поднять издание; этим он, само собой разумеется, лишний раз продемонстрировал принадлежность к тем же либералам, несмотря на весь свой кажущийся радикализм. А корреспондент Драгоманова И. Франко в одном из ответных писем сообщал, что „киевляне“ (т. е. та же „громада“) очень неприветливо встретили и мысль издать полный „Кобзарь“ во Львове (издание было осуществлено в 1893 г., в 2-х томах). „Из письма, писанного к Огоновскому [предполагавшийся редактор львовского издания.—И. А.] Науменко,—писал Франко,—можно вычитать такую суть, что лучше вам не браться за это дело, так как вы, галичане, все же сделаете его скверно,—а оставьте его нам. Я настаиваю на том, что мы сделаем его хорошо, у нас нет и десятой части тех вспомогательных средств (рукописей, первых изданий и т. д.), что у киевлян, но все же вопрос, сделают ли киевляне in abschbarer Zeit [в непродолжительном времени.—И. А.] и то, что мы сделаем, т. е. подадут ли хотя бы голый текст всего „Кобзаря“" ⁶⁷.

Мы уже знаем, что „громада“ так и не собралась подготовить новое издание „Кобзаря“, ограничившись общими размышлениями одного из деятельнейших своих членов, В. Науменко, о пользе подобного издания (см. выше) и восставая против всякой инициативы извне осуществить это предприятие.

Все это лишь дорисовывает двурушническую подлую роль украинской либеральной буржуазии в деле сохранения и публикации литературного наследства Шевченко ⁶⁸.

IV

В новую фазу своего развития вопрос о литературном наследстве Шевченко вступил с революцией 1905 года. К этому времени в среде украинской буржуазии окончательно выкристаллизовалось ее „левое“, „социалистическое“ крыло. В противовес старым „громадянам“, крепко державшимся легальных методов действия и узких рамок просветительной работы в пределах, дозволенных правительством, это „левое“ крыло не чуждалось „подпольной работы“ и „пропаганды“, разрабатывало свою политическую программу и не прочь было при случае щегольнуть „социалистическими“ убеждениями. Подчеркивая свой „социализм“ и националистическое „народолюбство“, это „левое“ крыло, выражавшее стремления и чаяния украинского националистически настроенного кулачества, оформляло „социалистическую украинскую партию“ „без того узкого доктринерства и догматизма, которым выделяются социал-демократы“, партию, которая „представляла бы интересы всех трудящихся людей на Украине, независимо от степени их пролетаризации, и прежде всего интересы многочисленного нашего трудящегося крестьянства“ ⁶⁹. В поисках средств влияния на „трудящееся крестьянство“ в качестве могущественного агитационного средства был выдвинут и „Кобзарь“ Шевченко. „Старая Громада“, как мы видели, боялась революционности „Кобзаря“, боялась револю-

В. Н. РЕПНИНА

Портрет маслом Т. Г. Шевченко

Третьяковская галерея, Москва

ционизирующего влияния его на массы и в тесном единении с царской цензурой весьма активно препятствовала его продвижению в широкие массы читателей. Напротив того, кулацкие „народолюбцы“ стремились активно использовать в своих целях расплывчатую бунтарскую терминологию „Кобзаря“ (преимущественно в ранних, националистических его произведениях); подлинно революционное, мужицкое бунтарство Шевченко стремились они соответственной интерпретацией ввести в русло собственных политических надежд и чаяний, в среду собственного политического расчета.

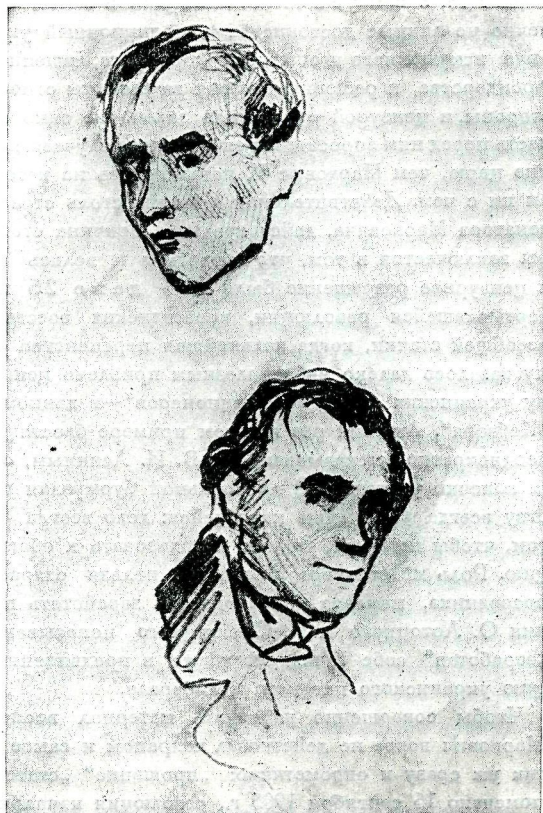
Этот процесс расслоения украинской буржуазии, в частности вокруг понимания и толкования Шевченко (именно в это время на смену эпитету „народный поэт“ было выдвинуто новое определение—„национальный поэт“), проходил далеко не безболезненно: антагонизм обоих классовых группировок группировок нашел свое выражение даже в печати, например в нападках молодых „народолюбцев“ на „Кобзарь“, изданный „Старой Громадой“ (в лице упомянутого выше К. М. Гамалии). „Мы должны,—писал один из активных представителей кулацкого „народолюбства“ С. Ефремов, впоследствии прекрасно доказавший свое „народолюбство“ на скамье подсудимых в процессе контрреволюционного „Союза вывозления Украины“ (СВУ),—констатировать тот факт, что новое издание „Кобзаря“ полно ошибок, что недосмотр бьет в глаза с каждой страницы... Видно, что у редакции нехватило времени для того, чтобы издать произведения нашего национального гения соответственно их ценности и тому значению, какое они имеют в жизни и литературе украинского народа. Новое издание—это как бы перепечатка предыдущего с теми же самыми недостатками и ошибками“⁷⁰. И в другом месте, после детального перечисления всех погрешностей рецензируемого издания: „Издатели не выполнили обязанностей, лежавших на них,—дать критически проверенное... издание стихотворений Шевченко: хронология перепутана, текст не проверен и не выполнен по лучшим вариантам, много типографских опечаток. Так издать „Кобзарь“ мог бы каждый книгопродавец, которому и не снится о каких-либо обязательствах, лежащих на издателе произведений Шевченко. Все эти ошибки доказывают, что издатели страшно небрежно вели издание и не приложили своего труда, чтобы оно могло удовлетворить, если не все, то первоочередные требования. А Шевченко кажется имеет уже право на более внимательное отношение к своим произведениям... Редакция „Киевской Старины“ имела все средства к тому, чтобы устранить ошибки, проверить текст, исправить хронологию, и не сделала этого. Чего ж ожидать от рядовых издателей!“⁷¹

И как практический результат подобных попреков и обвинений, неоднократно появлявшихся в печати, как ответ на классовый заказ кулацко-буржуазного „народолюбства“ явились новые хлопоты (увенчавшиеся в конце концов успехом) о разрешении издать полный „Кобзарь“ и работа В. Доманицкого над созданием буржуазно-националистического канона „Кобзаря“.

Неожиданное и безусловное разрешение „Кобзаря“ в 1905 г. имеет уже целую литературу⁷². Захлебываясь от восторга и умиления, на разные лады рассказывают националистические зубры о том, как в дело вмешался сенатор А. Н. Маркович, „личность, очень влиятельная и безукоризненная с точки зрения всякой административной благонадежности“ и к тому же лично известная Николаю II и уважаемая им. „В Марковиче,—пишет О. Лотоцкий,—заговорило истинное высокое чувство украинского патриотизма“⁷³, вызвавшее его на самые решительные меры для получения разрешения на запрещенные произведения Шевченко. Из административного опыта он хорошо понимал, что разрешение этих произведений, имея в виду их содержание и характер, превышает степень полномочий, принадлежащих высшим чиновникам цензурного управления. Поэтому, чувствуя искренний пьютет к особе даря, он решил обратиться к нему лично, чтобы путем „высочайшего повеления“ был закончен акт высокого культурного значения—освобождение произведений гениального поэта от цензурного запрещения, именно принимая во внимание их мировую культурную ценность. Но сенатор был вместе с тем и в большой мере тактичным человеком и менее всего хотел при этом оскорблять чью-либо административную амбицию. Поэтому он перед аудиенцией у царя считал должным побывать у начальника управления по делам печати, уведомить его о принимаемом... А. Н. Маркович лично поехал к начальнику Главного управления по

ЛИСТ ИЗ АЛЬБОМА Г. И. ДУНИН-
 БАРКОВСКОЙ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ
 Т. Г. ШЕВЧЕНКО
 Частное собрание, Москва

делам печати, уведомил его о намерении... издать полное собрание произведений (Шевченко)... и мотивировал это желание кроме поданной официальной бумаги еще и личными аргументами, которые, сколько помню, выглядели так: произведения гениев человечества не могут подлежать тем формальным предписаниям, которые обязательны для людей обыкновенных, и он, сенатор, предполагает представить свое намерение милостивому вниманию самого монарха; но раньше он считает своей обязанностью сообщить об этом „по принадлежности“ начальнику Главного управления по делам печати, на случай, если он признает нежелательным беспокоить этим делом особу его величества, а вместо этого найдет возможным лично разрешить это дело в положительном смысле. Председатель цензуры попал в критическое положение. С одной стороны, существовала известная опасность в том, чтобы разрешить печатанье произведений, доселе запрещавшихся, а с другой—авторитет сенатора Марковича, возможно даже преувеличенный по слухам, создавал уверенность в успешности затеянного им дела; поэтому положение начальника цензурного ведомства было бы весьма неприятно, если бы он безосновательно допустил беспокоить особу его величества, имея возможность и без того устроить дело. Балансируя между первой и второй опасностью, он счел все же более безопасным понести ответственность за разрешение нецензурных произведений Шевченко, чем заслужить хотя тень царской немилости“. „Можно с уверенностью предполагать,—продолжает Лотоцкий,—что он собственно и не представлял себе, о чем именно идет речь, ибо с запрещенными произведениями Шевченко он очевидно не был до того знаком“; получив же от Марковича экземпляр „Кобзаря“, он, по уверению Лотоцкого, тотчас же положил резолюцию с предписанием цензору ускорить рассмотрение книги и выдачу разрешения.

Мы привели длинный рассказ Лотоцкого почти без сокращений; своим хвастливым умилением и восторженным сюсюканьем о доблести Марковича он в достаточной мере

выдает то, о чем умалчивает Лотоцкий в самом тексте своих воспоминаний. Ибо конечно не личные достоинства и традиционный украинский патриотизм привели Марковича, искушенного и опытного бюрократа, лишенного и признаков какого бы то ни было фрондерства, к решению взяться за хлопоты относительно полного „Кобзаря“. С другой стороны, и цензурой руководило далеко не одно стремление угодить царю и боязнь попасть перед ним впросак: мы знаем много случаев, когда ходатаи, не менее сановные и близкие царю, чем Маркович⁷⁴, наталкиваясь на категорическое упорство цензуры, отходили ни с чем. Действительная причина столь странного усердия и пылакого патриотизма сенатора Марковича, действительная причина столь необычайной покладистости цензуры заключается в том, что хлопоты эти велись в сентябре-октябре 1905 г., а цензурное разрешение было дано даже 25 ноября 1905 г. Перед лицом развертывавшейся революции, крестьянских восстаний (между прочим и на Украине), всеобщей стачки, когда дальнейшая перспектива событий была весьма неясна, царизму казалось далеко небесполезным привлечь ценою некоторой уступки на свою сторону украинских „тоже революционеров“—в данном случае ценою разрешения полного „Кобзаря“. Лишний раз на этом примере блестяще подтвердилась правильность мысли, неоднократно высказывавшейся В. И. Лениным, о том, что „оппозиционность“ русской (и конечно украинской) либеральной буржуазии по отношению к царскому правительству всегда была лишь кажущейся: дело всегда шло о степени взаимных уступок, о том, чтобы возможно полнее использовать к обоюдному удовлетворению данную ситуацию. Роль же сенатора Марковича нельзя охарактеризовать иначе как роль делового посредника, маклера, старающегося заработать при сделке у обеих сторон; воспоминания О. Лотоцкого и П. Стебницкого показывают, что в этом он вполне преуспел „заработав“ себе (очевидно также в предвидении надвигавшейся революции) репутацию украинского патриота и либерала.

Чтобы совершенно исчерпать материал воспоминаний О. Лотоцкого, заметим, что Маркович вовсе не действовал нахрапом и самое цензурное разрешение было дано не так уж сразу и опрометчиво: „прошение“ „статс-секретаря и сенатора А. Марковича“ помечено 15 сентября 1905 г., резолюция начальника Главного управления по делам печати А. Бельгарда—3 октября, цензурное же разрешение—25 ноября. Таким образом давая распоряжение цензору „ускорить“ дело, Бельгард уже несомненно успел познакомиться если не с самими произведениями Шевченко, то во всяком случае с соответствующими материалами о них и мог здраво оценить предлагаемую ему сделку.

Как бы то ни было „Кобзарь“ был дозволен к печати безусловно, и это подало издателям мысль наново проделать всю подготовительную текстологическую работу, используя все доступные материалы—как печатные, так и в особенности рукописные. Эта работа была поручена В. Н. Доманицкому.

Деятельность последнего, его роль в создании буржуазно-националистического канона „Кобзаря“ неоднократно освещалась в литературе—критической, мемуарной и научной. Единомышленники Доманицкого высоко поднимали его на щит, рисуя его личность и деятельность чуть ли не житийно-иконописными чертами. О. Белоусенко (псевдоним знакомого уже нам националистического зубра Лотоцкого) писал о нем, выражая очевидно не только свое личное мнение: „Без преувеличения можно сказать, что Доманицкий впервые выявил перед нами чистый образ Шевченко, которого в течение свыше полувека одинаково старательно закрывали от нас—и цензура своим красным чернилом, и издатели своей классической небрежностью“⁷⁵. Современные исследователи (И. Айзеншток, М. Новицкий) отметили в работе Доманицкого много методологических ошибок; как говорит например Новицкий, „в одно и то же произведение он вносил варианты из различных автографов этого произведения“, он „позволял себе поправлять и дополнять шевченковские тексты“, и таким образом самый „метод издания текста „Кобзаря“, употребленный им, был совершенно ошибочен“ и т. д.⁷⁶ Однако ни один из исследователей—отмечаем это в порядке самокритики—не определил классового, буржуазно-националистического характера всей работы Доманицкого, не отметил, что все „текстологические“ его ошибки вызваны в действительности выполнявшимся им классовым заданием; лишь в настоящее время, в процессе работы над ака-

демическим изданием сочинений Шевченко, удалось вскрыть националистически-фальсификаторскую роль Доманицкого в полном ее объеме ⁷⁷.

В деле приведения в известность и описания поэтического наследия Шевченко Доманицкий сделал очень много, в особенности принимая во внимание разбросанность в то время местонахождения автографов и почти полную в то время недоступность многих из них, а также полулегальное положение самого Доманицкого ⁷⁸. Он в значительной степени привел в порядок хронологию „Кобзаря“, до того чрезвычайно путанную и случайную: впервые опубликовал ряд неизвестных дотоле произведений Шевченко, извлеченных им из рукописей. Наконец он опубликовал большое текстологическое разыскание — „Критичний розсід над текстом „Кобзаря“ (Киев, 1907), используя в нем и рукописи поэта, отобранные при аресте в 1847 г. и обнаруженные П. Е. Щеголевым во время занятий в архиве департамента полиции. При всем том работу Доманицкого мы не можем расценивать иначе как кустарную по своим методологическим принципам и националистическую по своим политическим тенденциям. Для Доманицкого одинаково ценным являлся всякий автограф поэта, всякая копия, сделанная кем-либо из его „друзей“, всякий печатный вариант. Исследуя (в сущности же лишь описывая) текстовый материал какого-либо произведения, он не задавался целью проследить характер и тенденцию поэтической работы Шевченко над ним, не пытался устанавливать основной текст и варианты к нему; отдельные строки (в лучшем случае небольшие отрывки) брались им обособленно, сличались по всем рукописям (автографам и копиям) и печатным изданиям (независимо от степени их авторитетности) и из ряда вариантов им выбирался наиболее „удачный“, „лучший“, который и должен был составить основной текст, канон. Основным методологическим критерием для Доманицкого таким образом являлись владевшие им националистические тенденции и стремление не портить отношений с властями, предрежащими из-за слишком вольных выражений „Кобзаря“, а также собственное эстетическое чувство исследователя. Все это рождало в ряде случаев сознательную фальсификацию текста. Приведем несколько примеров.

ЛИСТ ИЗ АЛЬБОМА Г. И. ДУНИН-БАРКОВСКОЙ О ИЗОБРАЖЕНИИ В ЛЕВОМ УГЛУ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Частное собрание, Москва

В стихотворении „Чигирин“ имеются такие строки:

За що боролись ми з панамі?
За що ми різались з ордами?
За що скородили списами
Татарські ребра?

В некоторых заграничных изданиях „Кобзаря“ вместо „Татарські ребра“ стояло „Московські ребра“. Принимая первое (и правильное) чтение, Доманицкий обосновывал его следующим образом: „Этот вариант непременно следует взять, если взято перед тем „...з панамі“, ибо иначе о борьбе с татарами вовсе не будет упомянуто... Что же касается „московских ребер“, то их не так-то уже много (приходилось „скороditи“ [бороновать.—И. А.], чтобы специально на этом останавливаться“⁷⁹. В стихотворении „Холодный Яр“ Доманицкий отдает предпочтение ненадежному печатному варианту перед автографом („Чи то загатили“ вместо правильного: „засадили“), так как „тогда становится неясным, почему дальше... поэт говорит: не гатите! бо над яром...“⁸⁰ В балладе „Лілея“ отмечается вставка случайного автографа „очень хорошая, которой нигде нет и которую следовало бы взять в „Кобзарь“⁸¹. Поэме „Кавказ“ отдается предпочтение зачеркнутому Шевченко варианту („Догматами не просвіщенні“) перед позднейшим и классово более выразительным: „Святим хрестом не просвіщенні“⁸². Совершенно правильно объясняет современный исследователь эту поправку сознательным желанием „затуманить ясное выражение Шевченко и к тому ж ограничить протест Шевченко лишь догматическим православием, не затрагивая христианства в целом“⁸³. Пример подлинной фальсификации мы встречаем в тексте „Сна“—одного из наиболее ярких революционных произведений Шевченко. Говоря о „землячках“, которые, попав в бюрократические петербургские канцелярии сделались „пьявками“, поэт восклицает:

Україно, Україно!
Оце твої діти.
Твої квіти молодії
Чорнилом політі,
Московською блекотою
В німецьких теплицях
Заглушені.

Ясно, что „теплицами“ поэт высмеивает эти „квіти“, которые в стремлении сделать карьеру готовы на всякие унижения. Между тем Доманицкий печатает „последние две строки так:

В німецьких петлицях
Замучені—

т. е. заставляет поэта выставить „землячков“ мучениками царизма. Яркий и убедительный пример подхалимства и трусости Доманицкого встречаем в упоминавшемся уже стихотворении „Холодный Яр“, где отчетливое написание рукописи:

Не зовіте преподобним
Миколу-Нерона,—

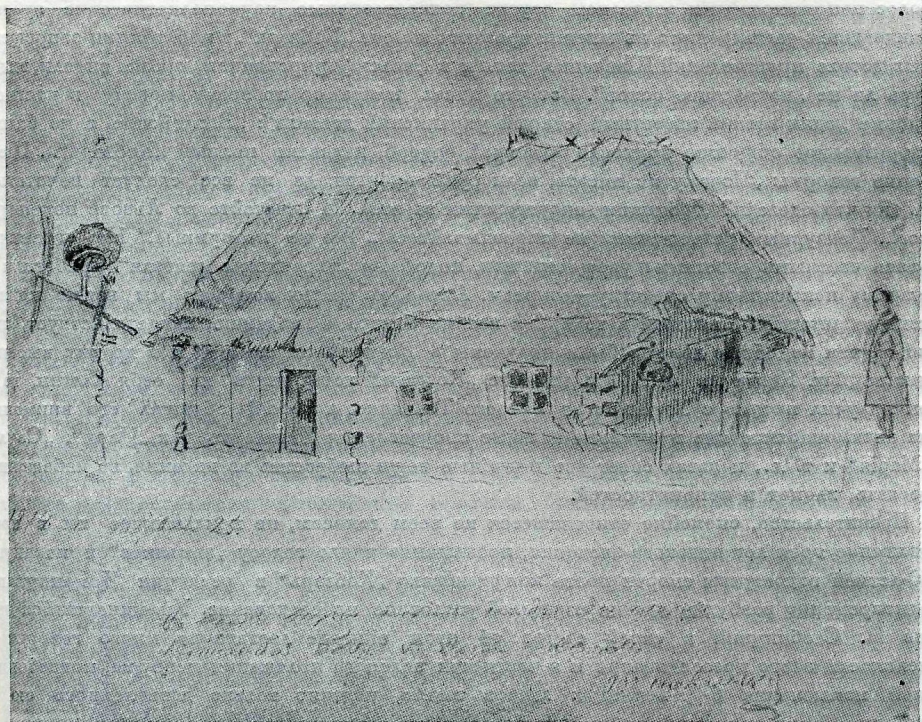
он прикрывает фиговым листком фальсификации:

Лютого Нерона,—

то-есть дает чтение, совершенно сглаживающее политическую направленность вещи.

При всем том (или, точнее сказать, вследствие всего этого) и текстологическое исследование Доманицкого, и в особенности „Кобзарь“ в его редакции были восторженно встречены всем буржуазно-националистическим лагерем. Один из признанных вождей украинской либеральной буржуазии М. Грушевский подчеркивал, что „это громад-

КАРАНДАШНЫЙ РИСУНОК Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Хата, в которой родился поэт. Фигура рядом с домом — автопортрет. Под рисунком двустишие из русской поэмы Шевченко «Тризна» и дата его рождения «1814, февраля 25»
Частное собрание, Москва

ный шаг вперед в критической проверке текста „Кобзаря“, и Доманицкий достоин искренней благодарности за ту работу и любовь, которую он вложил в это дело. Теперешнее издание „Кобзаря“ таким образом становится не просто первым изданием „Кобзаря“ в России, но полнейшим и авторитетнейшим из всех предыдущих⁸⁴. А единомышленник и ближайший друг Доманицкого С. Ефремов трубами и фанфарами возвещал о новом издании „Кобзаря“: „Это та вновь найденная книга, которая на целые десятилетия пропала было. Теперь мы уже имеем полного, не искаченного Шевченко и может быть хотя теперь минулись для „гениального горемыки“ те муки, которые и после смерти его не покинули. Общество в России и за границей впервые имеет возможность взять в руки не фальсифицированный, а подлинный „Кобзарь“ [!?—И. А.] и упиваться вдохновенным словом его... Книга нашлась“⁸⁵. Эти похвалы и утверждения после приведенных выше замечаний вряд ли нуждаются в дальнейших комментариях и специальных возражениях.

Как упомянуто выше, текст „Кобзаря“ в редакции Доманицкого на ряд лет сделался каноническим, перепечатывался (особенно в первые годы после революции 1917 г.), зачастую без имени редактора, и выдержал общим счетом „до двух десятков изданий“. Этой популярности не помешало даже новое цензурное гонение на „Кобзарь“, воздвигнутое в 1911 г. Следует заметить, что крупная украинская буржуазия, забыв бывшие либеральные увлечения, была против издания полного „Кобзаря“. В. П. Науменко, приехав в Петербург, с возмущением попытался: „Да неужели же вы будете печатать всех „Царей“ и тому подобное даже без точек?“—„А как же иначе?“—возражали издатели.—„Мы верим цензуре, вот и все...“—„И думаете, что так оно вам и пройдет?“ В конце концов Науменко не только примирился с печатаньем „Царей без точек“, но даже предоставил Доманицкому ряд принадлежавших ему автографов Шевченко. Гораздо

более непримиримыми оказались другие консервативные националистические зубры, увидевшие в расширении и изменении прежнего канона „Кобзаря“, в публикации запрещенных дотоле произведений Шевченко (хотя и в фальсифицированном, как мы видели, виде) чуть ли не „потрясение основ“. Вот что писал например по этому поводу в частном письме „один весьма известный старый украинский деятель“: „Злодейское, а не благотворительное общество принесло большой ущерб, издавши полный „Кобзарь“... Шевченко говорил: „Почему не писать, если руки чешутся, да не все следует печатать“. А они что сделали? Дубинами запорожскими за это!.. И печатайте во Львове нецензурное!.. Цензурным разрешением не оправдывайтесь!.. Вы не малоумные!“ Не ограничиваясь частными советами и увещеваниями, подобные „украинские деятели“ прибегали к старому испытанному средству—доносам. Автор, из статьи которого мы взяли приведенные цитаты⁸⁶, стоявший в то время весьма близко к изданию, свидетельствует, что по слухам подобные доносы были получены в „святейшем синоде“ и в других высших инстанциях. Когда же в 1910 г. издание „Кобзаря“ хотел взять на себя Сытин, то и он получил письмо с Украины от некоего Ткаченко, который обращал его внимание на антимонархические и антирелигиозные произведения Шевченко, как „Цари“, „Саул“, „Марія“ и т. д., и давал совет все подобные вещи выбросить из издания, во избежание, дескать, хлопот и неприятностей.

Правительство, спокойно относившееся ко всем доносам, не придававшее им в продолжение трех лет никакого значения, неожиданно вышло голосу „земляков“ и накануне 50-летней годовщины смерти поэта конфисковало „Кобзарь“ в редакции Доманицкого, одновременно возбудив против издателей уголовное преследование. Упомянувшийся выше П. Стебницький в своей статье об этом эпизоде достаточно много говорит о нелепости этого преследования и в частности нелепого положения цензуры, потребовавшей исключения $6\frac{1}{2}$ печатных листов текста, недавно только дозволенного ею к печати.

Между тем в данном случае мы встречаемся только с лишним проявлением общей политической реакции после спада революционной волны 1905—1907 гг. Наряду с ликвидацией многих других „уступок“ правительство поспешило снова обкарнять текст „Кобзаря“ и сделало это накануне юбилея, когда как раз можно было ожидать выхода ряда новых изданий массовыми тиражами.

Следует заметить, что привлеченные к суду издатели „Кобзаря“ остались верными испытанной десятилетиями либеральной тактике: всеми способами выгораживать себя из неприятной истории. Повтому например защитник издателей О. О. Грузенберг краеугольным камнем защиты сделал „соответственное толкование политических стихотворений Шевченко“ и требовал разрешения (которое очевидно и получил) „в особенно острых местах ставить вместо „царей“ многоточия, так как без того дело будет небезопасно“. Персональная же защита строилась на том, что вся вина возлагалась на сенатора Марковича и самого Доманицкого, которые оба к тому времени уже умерли. По справедливому признанию самого Стебницького, такой способ защиты не обнаруживал в участниках процесса большого гражданского мужества, и вряд ли могут их оправдать „в глазах истории маловразумительные ссылки на то, что „здесь приходилось защищать не только тех или иных живых людей, но и сами общества, существованию которых приговор мог серьезно повредить“.

Годы, непосредственно предшествовавшие империалистической войне и революции, прошли для литературного наследства Шевченко под знаком возрастающих цензурных запретов и полицейско-бюрократических преследований. Если в ноябре 1910 г., накануне 50-летия со дня смерти Шевченко, которое украинская буржуазия проектировала отметить деловито, скромно и торжественно,—с традиционными панихидами по рабе божиему Тарасии, киевская охранка только мечтала о том, чтобы „парализовать деятельность ныне действующего украинофильского комитета по организации шевченковских торжеств, не дав возможности ему организовать противогосударственную манифестацию с участием общественных и городских организаций“⁸⁷, то три года спустя, в предвидении надвигающейся революционной опасности департаментом полиции были категорически запрещены вообще всякие чествования 100-летнего юбилея со дня рожде-

ния Шевченко. Запрещение это, явившееся, по словам Ленина, „такой превосходной, великопной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя“, не послужило однако препятствием для широких и многолюдных демонстраций пролетариата, трудящейся интеллигенции и студенчества, прошедших под знаком революционной борьбы против царизма. Само собой разумеется, что украинская буржуазия, свято придерживавшаяся „принципов законности“, никакого участия в демонстрациях протеста не принимала, ограничиваясь показыванием правительству „кукиша в кармане“—принятием благонамеренных резолюций с либеральным хныканьем и нытьем о стеснениях легальной культурной работы и т. д.

Зато пышным цветом расцвел украинский буржуазный национализм после революции 1917 года, особенно в период националистической, помещичье-буржуазной и буржуазно-кулацкой контрреволюции 1918—1919 гг. (Центральная Рада, гетманщина, петлюровщина). Мы приводили уже выше примеры контрреволюционной националистической интерпретации поэзии Шевченко в писаниях петлюровских идеологов. Здесь остановимся на положении литературного наследства Шевченко в этот период.

В высшей степени примечательно то, что, провозглашая Шевченко своим, клянясь его именем и используя как политические лозунги отрывки из его произведений, украинская контрреволюция одновременно выказала чрезвычайное равнодушие к судьбе

АВТОИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ «ЧЕРНИЦЯ МАР'ЯНА» ИЛИ «ПЕТРУСЬ»

Рисунок карандашом Т. Г. Шевченко на обороте автопортрета 1843 г.

Частное собрание, Москва.

„Кобзаря“, к судьбе прочих сочинений поэта. Многочисленные издатели продолжали переиздавать еще и еще „Кобзарь“ в редакции Доманицкого, переиздавать не только без исправления ошибок последнего, но и с вящим усугублением их; работа редактора была заменена работой малоквалифицированного корректора, доводившего текст „Кобзаря“ подчас до полной бессмысленности. Перелистывая „Книгар“ („Книжник“), специальный украинский библиографический журнал того времени, натакиваясь то на чувствительные убеждения в необходимости („для блага народа украинского“) приступить наконец к подготовке новой редакции текста „Кобзаря“, то на лицемерное возмущение выходящими халтурными изданиями. „Стоим перед изданием академическим, которого жаждает воскресшая нация. И верим, что такое издание национального клада в скорости появится. Должно появиться, поборов все технические препятствия, это издание Великой Книги, Великого творца, сына Великого народа“, пишет один из сотрудников журнала в начале 1918 г.⁸⁸ Но и год спустя, в марте 1919 г., оказывается, что „и донныне мы не имеем полного научного, со всеми редакциями и вариантами издания текста хотя бы одних его стихотворений“. „Повсюду читаются курсы украинской литературы, ведутся семинарии по теории поэтического творчества, а весь Шевченко и донныне неприступен для целей изучения“. „Правда,—продолжает тот же автор,—научное издание произведений—вещь сложная, нелегкая, но в отношении Шевченко мы должны преодолеть все трудности и препятствия и дать народу полный текст произведений гения нашего слова. Это—национальная обязанность, это—вопрос чести для историков нашей литературы и наших филологов“⁸⁹.

Автора цитированной статьи трудно заподозрить в какой бы то ни было пристрастности: крупный чиновник министерства народного просвещения при Центральной Раде и во времена гетмана, видный политический деятель, член ЦК влиятельной украинской буржуазной партии социалистов-федералистов, он в то же время много работал над Шевченко, в частности над шевченковскими текстами, собрал обширный текстологический материал и в своих статьях выявил достаточно отчетливое понимание методологических ошибок предыдущих редакторов „Кобзаря“⁹⁰. Еще в 1914 г. он выпустил (в изд. „Деятель“) краткий „Кобзарь“ (охвативший произведения Шевченко 1834—1842 гг.) на отличных от Доманицкого и более выдержанных методологических основаниях, о которых будет речь дальше. И тем не менее, добравшись до „кормила власти“, он обнаружил странное на первый взгляд невмешательство в дело, которое провозглашалось им делом „национальной чести и достоинства“. Впрочем странность эта находит себе вполне удовлетворительное классовое объяснение: по л и н ы й и и с п р а в л е н н ы й Шевченко оказывался для украинской буржуазии, добравшейся к власти, так же не по духу, как в свое время царско-помещичьи цензоры. Революционность и антирелигиозность Шевченко слишком выпирали наружу, слишком явно обнаруживали свое несоответствие националистическим схемам, примеры которых мы приводили выше. И в стремлении сохранить для влияния на массы созданный ими образ Шевченко украинские буржуазные националисты фактически поощряли распространение подчас искаженных и исковерканных до полной неузнаваемости текстов „Кобзаря“, выражая в то же время еще лицемерное удивление по поводу того, что „много учителей не читало Шевченко“, и т. д.

V

Подобное положение вещей резко изменилось после окончательного упрочения советской власти на Украине. Шевченко, при всех его идейных шатаниях, при всей неформальности, расплывчатости его мирозерцания, все же был неизмеримо ближе к трудящимся, к рабочим и крестьянам, чем ко всем „панам і підпанкам“, которые в течение ряда десятилетий старались изолировать, припрятать, исказить его поэзию, сделать ее недоступной, непонятной и даже враждебной тому народу, о котором поэт думал и служить которому стремился в течение всей своей жизни. Прежде всего оказалось необходимым уничтожить, искоренить вавилонскую башню националистической лжи в характеристике Шевченко, оказалось совершенно необходимым ликвидировать создававшийся десятилетиями культ Шевченко. Ибо, как замечал современный критик, „за почитанием мощей Шевченко не было вре-

мени изучать его". „Нам же, — продолжает критик, — нужен Шевченко живой, реальный, такой, каким он был в действительности, каким дала его та историческая эпоха и тот класс, откуда он вышел. Мы не нуждаемся в подмалевке его, в переодевании в современные одежды, либо в навязывании ему наших современных взглядов. Он — наш, таков, каков он был, со всеми своими предрассудками и своей суровой горячей душой" ⁹¹.

В области текстологической на смену нерешительным и половинчатым намерениям и опытам П. Зайцева, не нашедшим себе к тому же сколько-нибудь полного и конкретного выражения, явились попытки по-новому, на более твердых методологических основаниях построить собрания стихотворных произведений Шевченко. Из этих попыток остановимся здесь на двух, наиболее значительных.

Автор настоящей статьи в ряде печатных выступлений ⁹² и в отредактированном им собрании поэтических произведений Шевченко ⁹³ в основу организации текста положил принцип последних редакций. „На основании рукописей, разных изданий и исследований над текстом Шевченко" пытался он „выяснить и определить последние и позднейшие редакции стихотворений поэта, хотя на этом пути и пришлось... кое в чем порвать с многолетней традицией". Напротив, М. Новицкий и С. Ефремов выдвинули иной принцип организации шевченковского текста ⁹⁴. „За исходную точку, — писали они, — мы берем собственные редакторские указания и пожелания поэта, считаемся прежде всего с богатым рукописным наследством Шевченко, а потом уже руководствуемся теоретическими соображениями о последней редакции. Какие рукописи и печатные тексты „Кобзаря" считал основными сам поэт? Очевидно это были не те случайные автографы, которые поэт, часто по памяти, записывал в альбомы или дарил своим приятелям. Шевченко подобным рукописям не придавал особого значения последней, дефинитивной редакции. У поэта была характерная для него, а для нас чрезвычайно ценная привычка собирать свои стихотворения в отдельные книжечки-альбомы, объединять их в определенные циклы или сборники. Эта манера Шевченко — переписывать свои стихотворения в книжечки-альбомы — очень характерна для него... Сам автор дает своим циклам по большей части и специальные названия..., кроме последнего периода, для которого такого названия у Шевченко нет".

На первый взгляд может показаться, что между первым и вторым редакционными принципами нет существенных методологических расхождений, что они, в сущности, дополняют друг друга. В самом деле, если понимать предлагаемую Новицким—Ефремовым цикличность как композиционный принцип организации текста, то он вовсе не будет противоречить поддерживаемому Айзенштоком (по существу конечно далеко не новому в текстологии) принципу последней редакции. Именно так и понимал вопрос Айзеншток, когда, отмечая появление отредактированного Новицким—Ефремовым текста, он писал следующее: „Цикличность творчества Шевченко... явление настолько характерное и доказательное, что именно его и следует отныне положить в основу „Поэзии" Шевченко как художественного целого. Однако должен заметить (в связи с несколько полемическим тоном приведенной цитаты), что цикличность эта вовсе не противоречит попыткам давать окончательные по времени редакции отдельных произведений: с одной стороны, текст, который поэт заносил в свои тетради-альбомы, в громадном большинстве случаев и является дефинитивным (окончательным), а с другой — сами редакторы вынуждены время от времени отступать от своих принципов" ⁹⁵. Хотя эти теоретические признания и не отразились в дальнейшей редакторской работе Айзенштока (следующие издания „Кобзаря" продолжали выходить без изменений, — главным образом в силу издательских требований использования готовых стереотипов), однако весьма показательной для „методологии" буржуазных текстологов является намечавшаяся возможность примирения обоих принципов, установление некоей средней равнодействующей линии.

Между тем тщательный анализ обоих принципов легко доказывает их абсолютную неприемлемость в качестве основного методологического обоснования организации шевченковского поэтического текста; тщательный анализ вскрывает буржуазно-формалистическую основу обоих принципов, — во втором случае с довольно ощутительной примесью

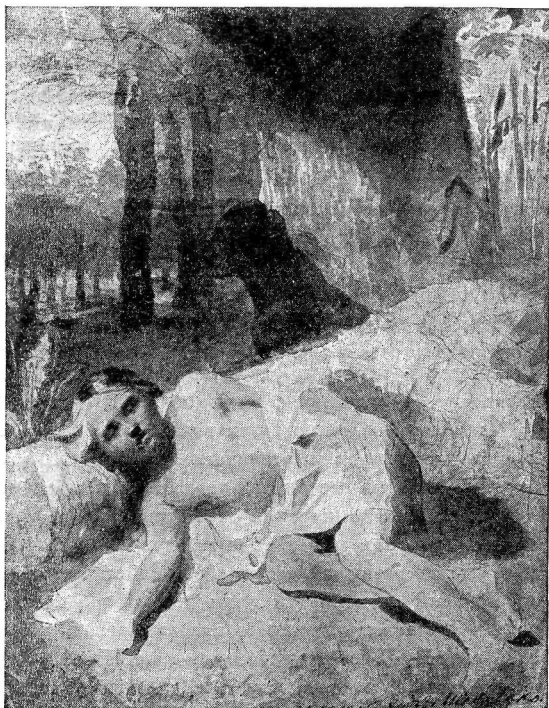
зоологического национализма. Текстологический формализм, стремление отыскать или реконструировать именно последние по времени редакции стихотворений Шевченко (безотносительно к их художественной и классово-идеологической ценности) привели Айзенштока к тому, что за основу в ряде случаев им были взяты мало авторитетные записи Шевченко, сделанные по памяти. В некоторых случаях, за невозможностью точно установить позднейший текст, предпочтение отдавалось случайным редакциям, авторитетность которых также иногда подлежит сомнению. Таким образом стремление к формальному проведению текстологического принципа фактически привело редактора к беспринципному искажению подлинного шевченковского текста. Наконец, вслед за П. Зайцевым, в качестве одного из основных текстологических источников был использован упоминавшийся выше экземпляр „Кобзаря“ 1860 г. с поправками поэта („экземпляр Цветковского“), поправками, как мы указывали выше, случайными и не проведенными систематически до конца.

В издании Ефремова—Новицкого правильный в своей основе композиционный принцип организации текста („цикличность“) был смазан „принципиальным“ отказом от какой бы то ни было критики текста, беспомощным стремлением фотографически передать все особенности шевченковской лексики и даже орфографии (свято сохранены даже все описки и орфографические ошибки оригинала). С другой стороны, слишком буквальное, формальное понимание „альбомности“ вызвало включение в основной текст редакций и вариантов, позднее заведомо откинутых поэтом; и наряду с этим, в случаях отсутствия белого альбомного текста,—текстологический эклектизм, смешение различных черновых редакций и т. д.

Дело однако не только в неудовлетворительности редакционной работы: даже и при более тщательном исполнении работа Айзенштока и Ефремова—Новицкого все же дала бы отрицательные результаты, так как ошибочны были основные текстологические установки редакторов. Не будем говорить о пресловутой „цикличности“: совершенно очевидно, что она имеет существенное, но только композиционное значение (как мы и указывали в рецензии на издание Ефремова—Новицкого). Что же касается собственно установления и критики текста, то она должна вестись на основе возможно более полного учета биографических, исторических и социальных моментов творческой жизни поэта. А те особенности этой творческой жизни, о которых мы упоминали выше (арест, ссылка, неоднократные конфискации рукописей, необходимость прятаться с писательством, цензурные запрещения, борьба с цензурой „друзей“ и т. д.), заставляют с особою осторожностью подходить к установлению текста каждого отдельного произведения без заранее выработанных схем. Мы упоминали выше о поэме Шевченко „Эртик“ („Иван Гус“), написанной в 1845 г. и отобранной при аресте в 1847 г. По возвращении из ссылки поэт—отчасти по настоянию „друзей“—усердно разыскивал списки хотя бы отрывков этой поэмы, надеясь восстановить и исправить ее по памяти; однако получив такую копию от известного собирателя П. Бартевева, Шевченко внес в нее лишь несколько случайных поправок (случайность доказывается тем, что ряд грубейших описок переписчика остался неисправленным) и затем оставил ее без внимания в своих бумагах⁹⁶. Текстологическая малоценность этой рукописи слишком очевидна, и никто из издателей не решился счесть ее за „позднейшую редакцию“ (исправлена поэтом в 1858 г.) и принять текст ее за основной. Между тем пресловутый „экземпляр Цветковского“ не одному редактору вскружил голову и привел к случайным исправлениям ряда шевченковских произведений, т. е. фактически к порче шевченковского текста. И наряду с „канонизацией“ „экземпляра Цветковского“ почти без внимания оставался текст тщательно приготовленной Шевченко к печати „Поесії Т. III.“ (1858). Можно ли однако безоговорочно принять за канонический и этот последний текст (как то предлагает например О. Дорошкевич)? Мы на этот вопрос ответим отрицательно, учитывая, что Шевченко, подготавливая свои произведения к печати и естественно ожидая жестких придинок цензуры, сам редактировал соответственным образом некоторые места, отбрасывая или смягчая все, что, казалось ему, могло бы обратить на себя внимание цензора. И наиболее правильным будет, думается, взяв за основу (условно) текст 1858 г., внести в него те поправки, изменения и дополнения из других авторитетных

«ОПЯЩИЙ МАЛЬЧИК»

Акварельный этюд Т. Г. Шевченко
Третьяковская галерея, Москва

источников, которые наиболее будут соответствовать историческому, марксистско-ленинскому пониманию Шевченко; иными словами, за один из решающих моментов в установлении шевченковского канона мы должны принять, откинув всякие формальные и формалистические принципы, принцип классовой значимости вариантов. И не следует опасаться, что этот принцип возвращает нас к опасным контаминациям, какие мы имели у Доманицкого и более ранних редакторов. Контаминации Доманицкого и иже с ним опасны и вредны не потому, что они суть контаминации, а потому, что они построены на неприемлемой и методологически неверной, эклектической и националистической основе. Доманицкий, нанизывая один за другим и связывая воедино варианты из различных рукописей, руководствовался единственно собственной интуицией буржуазно-националистического деятеля; для нас включение отдельных классово ценных вариантов, характерных для исторического Шевченко в определенный период, в основной текст, установленный также на основании тщательного изучения всех относящихся сюда источников, является лишь последовательным, логическим звеном на пути восстановления подлинного образа поэта, искажавшегося и фальсифицировавшегося на протяжении десятилетий.

Остановившись подробнее на указанных двух попытках модернизации текстологической традиции в шевченковедении (считаем нужным заметить, что сделанные здесь и в других местах настоящей статьи самокритические замечания вовсе не претендуют заменить собой развернутую самокритику шевченковедческих работ автора; цель этих замечаний — подчеркнуть те взгляды на задачи шевченковедения, которые выкристаллизовались у автора за последние три года), нельзя не упомянуть также об академическом издании произведений Шевченко: краткая история этого издания является наглядной иллюстрацией маневров классового врага, направленных к сокрытию от украинских трудящихся масс действительно полного собрания текстов великого украинского поэта, революционера и демократа. Всеукраинская Академия Наук, основанная в 1918 г. при Скоропадском и получившая при советской власти колоссальные возможности дальнейшего развития, далеко оставляющие за собою весьма ограниченные перспективы гет-

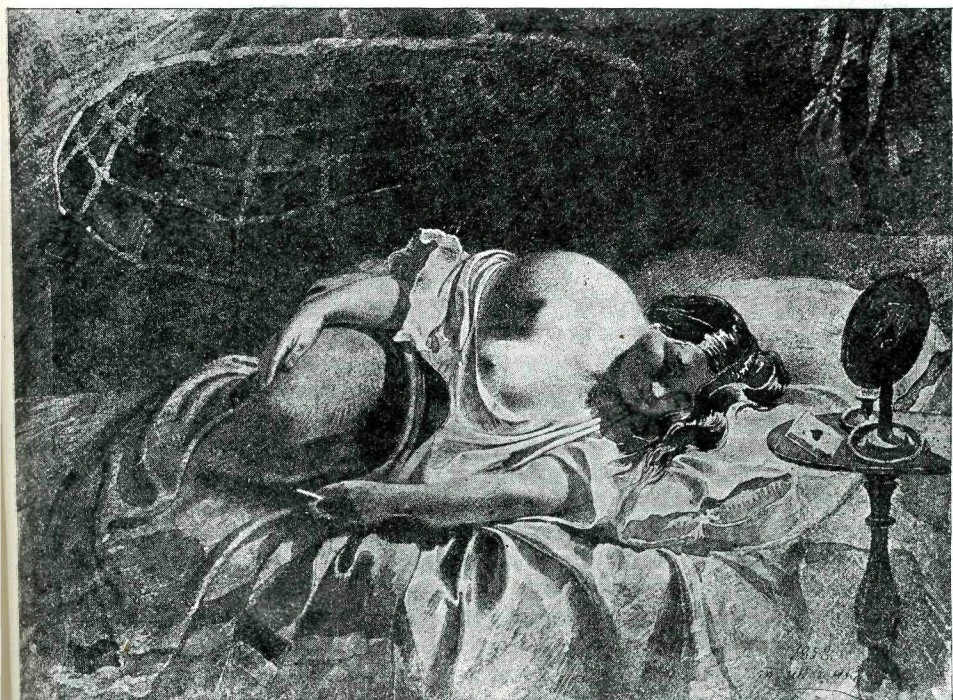
манских „деятелей“, в течение многих лет являлась одним из тех учреждений, куда „националистическим элементам в значительном количестве удалось проникнуть .., расставить... своих людей для организации саботажа и вредительства, прикрываясь для осуществления своих контрреволюционных целей флагом украинизации“, создав таким образом из советской Академии подлинное „контрреволюционное националистическое гнездо“⁹⁷. Работа над академическим изданием Шевченко (точнее организованный многолетний саботаж этого большого культурного дела) являлась одной из составных частей общей деятельности контрреволюционных вредителей во Всеукраинской Академии Наук. Этот саботаж достаточно характеризуют следующие факты. Еще в 1919 г. при ВУАН была организована „Комиссия для издания произведений Т. Шевченко проф. М. П. Драгоманова, проф. В. Б. Антоновича и Ив. Франко“. Как говорит академический отчет, „первоначально возникла эта комиссия не в Украинской Академии Наук, а совсем осторонь Академии; она была основана при „Всеукраинском Издательстве“ („Всеиздат“), чтобы продвинуть как можно скорее научное критическое издание Шевченко, Драгоманова, Антоновича и Франка. В августе 1919 г. украинский „Всеиздат“ просил Академию Наук взять критическое опубликование этих четырех писателей под свой присмотр и ассигновал необходимые средства на оплату сотрудников и на печать“⁹⁸. Тогда же были определены приблизительные сроки выполнения этого задания; тот же академический отчет пишет об этом следующее: „...следует думать, что работы хватит более, чем года на два-три, так как материал, подлежащий критической обработке, чрезвычайно велик“⁹⁹. Действительность однако показала, что и этот ориентировочный срок указан лишь для отвода глаз. Ибо лишь в 1923 г. „перед Комиссией реально встала возможность академического издания произведений Шевченко“, лишь в 1923 г. „Комиссия приступила к окончательному упорядочению собранного уже шевченковского материала“, лишь в 1923 г. был разработан „следующий план академического издания сочинений Шевченко: тт. I—II—стихотворения, т. III—переписка, т. IV—дневник, тт. V—VI—русские повести и поэмы, т. VII—рисунки, тт. VIII—X—новые материалы для биографии Шевченко, исследования о нем и возможно полная биография“¹⁰⁰. Достижения, как видно, весьма невелики и ни в малейшей степени не соответствовавшие тем клятвам и уверениям в своей любви и преданности Шевченко, которые щедро рассыпали тогдашние заправилы ВУАН. „Достижения“ эти нельзя характеризовать иначе как стремление бывшего фашистского наддемовского руководства ВУАН, и прежде всего главного редактора сочинений Шевченко С. Ефремова, возможно более отдалить то время, когда украинские трудящиеся массы получат возможность познакомиться с полным изданием шевченковских текстов. И неудивительно, что первый по времени том академического издания (т. IV—дневник) вышел лишь в 1927 г., следующий (т. III—переписка)—в 1930 г. Исходя из этих принятых темпов, окончания издания можно было ожидать лишь к столетию со дня смерти Шевченко, т. е. к 1961 г.!¹⁰¹

Характерно еще вот что. Как только что сказано, первыми томами академического издания явились IV и III, выбранные потому, „что они должны были содержать материал менее всего пожалуй известный нашему обществу и потому наиболее пригодный для начала издания“¹⁰². Дальнейшими томами должны были явиться—т. VII, посвященный художественно-изобразительным произведениям Шевченко, тт. V—VI, содержащие русские повести и поэмы. А то, что наиболее ценно из всего шевченковского наследия—его украинские произведения,—откладывалось на позднейшее время, т. е. предположительно на десятки лет... Штрих также небезынтересный для характеристики вчерашних тоже „социалистов“, „народолюбцев“ и болельщиков за Шевченко, искажавшегося и запрещавшегося царскими цензорами и жандармами.

И этого однако мало. Даже вышедшие томы редакция академического издания—и прежде всего С. Ефремов, полновластно и безраздельно распоряжавшийся им, постаралась сделать недоступными для широкого читателя: шевченковские тексты буквально терялись среди пухлых и многословных комментариев (в большинстве принадлежащих тому же Ефремову) „в форме материалов историко-литературного и общественного значения“. На чрезмерную перегруженность комментаторского материала, которая доходила до курьеза, граничащего с редакционной безграмотностью (в примечаниях к

т. IV например приводились даже географические координаты всех местностей, упоминаемых в шевченковском дневнике!), указывали еще рецензенты академического издания. Однако совершенно недостаточно отмечены в литературе те политические тенденции, которые в более или менее замаскированной форме протаскивались в комментариях и которые делают вышедшие тома фактически вредной и вредительской макулатурой. Несколько примеров помогут осветить эти тенденции.

27 августа 1857 г., на волжском пароходе, Шевченко заносит в свой дневник замечательное „пророчество“. „Пароход в ночном, погребальном покое,—пишет он,—мне представляется каким-то огромным, глухо ревущим чудовищем с раскрытой огромной пастью, готовой проглотить помещиков-инквизиторов. Великий Фультон и великий Ватт! Ваше молодое, не по дням, а по часам растущее дитя, в скором времени пожрет жнуты, престолы и короны, а дипломатами и помещиками только закусит, побалуется, как школьник леденцом. То, что начали во Франции энциклопедисты, то довершит на всей нашей планете ваше колоссальное гениальное дитя. Мое пророчество несомненно“. Казалось бы, это место требовало от комментаторов особенно тщательной и подробной экскурсии в область развития шевченковской идеологии, в область всех возможных идеологических и политических влияний, которые могли породить в душе поэта это пылающее и взволнованное „пророчество“. Справедливо замечает исследователь-марксист, что „нельзя понять этих гениальных, напоенных революционным огнем строк, если не учесть, что как раз в то время с новой силой вспыхнули многочисленные бунты по всему Поволжью, начались новые грандиозные возмущения рабочих, строивших железную дорогу. Раскаленная социальная атмосфера окутывала путь, которым следовал Шевченко, возвращаясь из ссылки. Она и породила эти огнем написанные строки“¹⁰⁸. Из того, что было выше сказано об академическом издании и его руководителе С. Ефремове, совершенно очевидно, что такого комментария мы в нем не найдем. Действительно в соответствующем месте (стр. 517—518) мы находим несколько

«ОПЯЦЦА ЖЕНЩИНА»

Рисунок сепией Т. Г. Шевченко, 1858 г.

Музей изобразительных искусств, Москва

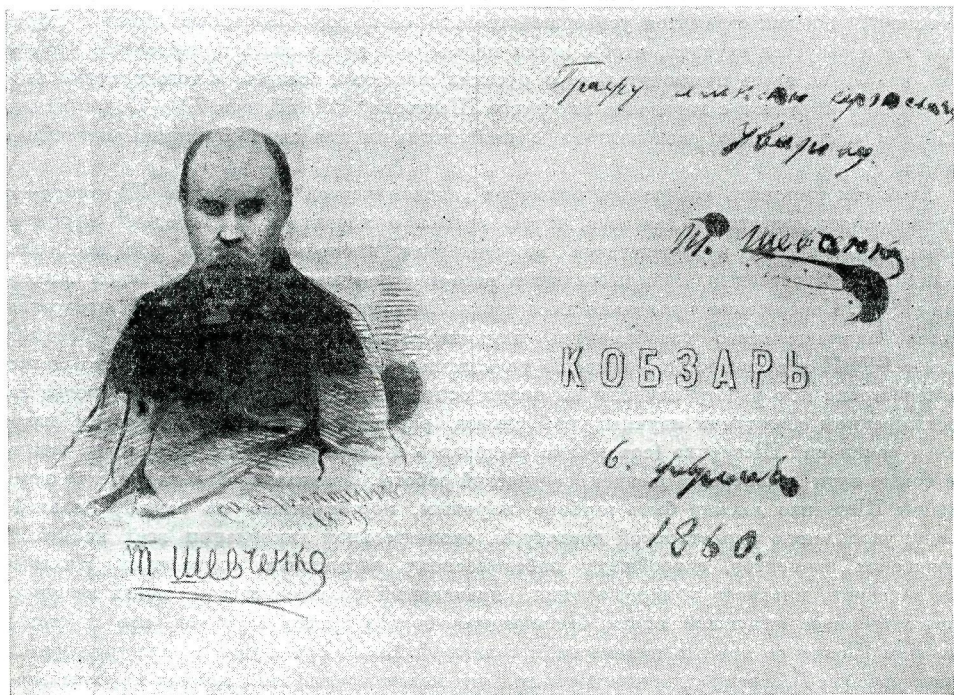
строк, посвященных Ватту, и довольно обширную заметку об энциклопедистах. А так как совершенно обойти молчанием классовый смысл высказывания Шевченко было невозможно, то С. Ефремов кисло замечает буквально следующее: „Изобретение Ватта чрезвычайно повлияло на развитие техники и промышленности,—это и отмечает здесь Шевченко, прилагая к изобретениям Ватта (и Фультона) эпитет „ваше не по дням, а по часам растущее дитя“ и ожидая от новой техники и нового социального строя“ [подчеркнуто нами.—И. А.]. Таким образом краткими фактическими данными (заимствованными из старого „Брокгауза и Ефрона“) и общими пустыми, ничего не говорящими фразами о „новом социальном строе“ пытался Ефремов замазать один из характернейших для понимания классowego лица Шевченко текстов. Точно так же смазан и революционный характер записи 29 августа 1857 г. о бугре Стеньки Разина, „этой ничтожной твердыне славного рыцаря Стеньки Разина, этого волжского барона, и, наконец, пугала Московского царя и Персидского шаха. Открытые большие грабители испугались скрытого ночного воришки! Так белоголового великана хищника беркута пугает иногда ничтожный нетопырь“. Несколько строк, комментирующих эту запись, заключают ссылку на „популярное“ стихотворение А. Навроцкого „Есть на Волге утес“ и краткую (четыре стиха) цитату из него. Между тем первой обязанностью комментатора было вскрыть влияния в данном случае на поэта официальных, дворянско-помещичьих характеристик Степана Разина, степень прочности и сознательности этого влияния, ибо дальше Шевченко упоминает о крестьянском революционере с явным сочувствием. Умолчание обо всем этом также является свидетельством сознательного желания фашистского зубра обойти места, характерные для революционного и классowego самосознания поэта.

Не менее показательными в комментариях являются и нацдемовская контрреволюционная контрабанда и даже откровенные националистические вылазки. Систематически например проводится идея единого потока развития украинской литературы. Заговорив о Г. Ф. Квитке-Основьяненко, типичнейшем представителе крепостническо-помещичьей литературы, комментаторы спешат подчеркнуть, что Квитка был очень близок к Шевченко (?), любим им и почитаем. И тут же следует „лирическое отступление“: „Закат жизни у престарелого автора повестей совпал с восходом на украинском горизонте новой поэтической силы,—и старый Квитка, тихо доживавший тогда свой век в Харькове, когда начали появляться стихотворения Шевченко, приветствовал их с юношеским энтузиазмом: старый писатель видел в талантливом новичке своего хорошего последователя“ (IV, 603). Демократ и революционер Шевченко как непосредственный продолжатель деятельности крайнего реакционера-крепостника Квитки—может ли быть что-нибудь нелепее подобной схемы?! А комментаторы не только выставляют ее в качестве одного из подтверждений фашистской теории „единого национального потока“ украинской литературы, но и аргументируют легендой о существовании между обоими писателями „большой и интересной переписки, полной и личной, хотя и заочной, приязни, и литературных новостей и планов, и интересных черточек общественного быта тех времен“ (III, 374), легендой, которая лишь в незначительной степени подтверждается наличным фактическим материалом. Подобным же образом затушовывают академические комментаторы классовые противоречия между Шевченко и Кулишом. Вопреки упрямым фактам доказывают они, что „Кулиш, с его глубоким умом, не мог не понимать всей силы таланта Шевченко и его значения для возрождения Украины [!—И. А.] и в своих надеждах на него был склонен этот талант еще преувеличивать, не останавливаясь перед восхвалением, а может быть и перебарщиванием“ (IV, 279). А об опеке Кулиша, о его творческих советах и стремлении по-своему исправлять произведения Шевченко (мы об этом подробно говорили выше) комментаторы замечают: „Нельзя сказать, чтобы эта опека только вредила Шевченко,—нет: иногда она выходила к лучшему“ (IV, 283); к лучшему, добавим, по мнению комментатора, потому что текстологические „поправки“ националиста Кулиша ближе национал-фашисту Ефремову, чем подлинные стихи Шевченко.

Усердно затушовывая в своих комментариях социальные моменты жизни и творчества Шевченко, комментаторы, наоборот, усиленно выпячивают моменты национальные,

придавая им также ярко националистическую окраску. Они например особенно подробно останавливаются на знакомых Шевченко украинских помещиках, хотя бы те играли в жизни поэта лишь случайную малозаметную роль (срв. о В. Тарновском, III, 763—765, о Г. П. Галагане, IV, 703—704 и др.). Но особенно показательны эти националистические тенденции в вопросе о русских произведениях Шевченко. Выше мы коротко упоминали о причинах, побудивших поэта обратиться к творчеству на русском языке, равно и об отношении к этому творчеству его украинских „друзей“. В 20-х годах XX столетия да еще в академическом издании сочинений Шевченко замалчивать его русские повести конечно было невозможно. И вот на сцену появляется новая формула, сочиненная Ефремовым: „Для поэта в его тогдашних несчастных обстоятельствах это была единственно возможная отдушина, и что удивительного, если

ЭКЗЕМПЛЯР «КОБЗАРЯ» Т. Г. ШЕВЧЕНКО С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА
А. С. УВАРОВУ

Исторический Музей, Москва

он хватается за нее с того времени, как украинская муза снова отлетела от него в неволе*. И несколько дальше: „русское писательство было для Шевченко спутником несчастий, признаком и показателем психической депрессии“¹⁰⁴ [подчеркнуто мною.—И. А.]. Под этот тезис, зоологически-националистический характер которого едва ли нуждается в дальнейших пояснениях, подводятся затем все факты шевченковского дневника и переписки. Нужды нет, что сам Шевченко смотрел на дело глубже и вовсе не считал свое русское писательство случайным эпизодом; в письме к С. Т. Аксакову (16 февраля 1858 г.) он просит искренней и беспристрастной оценки посланной повести („Прогулка с удовольствием и не без морали“): „Судите вы меня, и судите искренно и милостиво. Я дебютирую этой вещью в великорусском слове. Но это не извинение. Дебютант должен быть проникнут своей ролью, а иначе он шарлатан. Я не шарлатан, я—ученик, жаждущий дружеского искреннего суда и совета... Нужно работать, работать много, внимательно и, даст бог, все пойдет хорошо. Трудно мне одолеть великороссийский язык, а одолеть его необхо-

димо... Мне необходим теперь труд, необходима упорная тяжелая работа, чтобы хоть что-нибудь уметь сделать". Таким образом по возвращении из ссылки и по возобновлении творчества на украинском языке Шевченко все же ставил перед собою задачу сделаться и русским писателем—„иначе будет перед богом грешно и перед добрыми людьми стыдно". И своего намерения он не оставил даже после осторожного, но отрицательного отзыва С. Т. Аксакова; отвечая на этот отзыв (15 июля 1858 г.), Шевченко писал: „Вы мне сказали то, о чем я сам давным давно думал, но, не знаю почему, не решался сказать... Теперь думаю отложить всякое писание в сторону и заняться исключительно гравюрою, называемой аква-форта". Совершенно очевидный смысл этого письма тот, что письмом Аксакова окончательно убедило Шевченко в слабости написанных им и посланных для отзыва прозаических русских опытов, в необходимости оставить мысль о напечатании их—и толькo. Он „откладывает всякое писание в сторону", так как стремится усовершенствовать свои гравировальные опыты. Ефремов же пользуется случаем, чтобы путем передержек истолковать приведенные цитаты так, что „речь здесь исключительно о русских повестях, которые с того времени действительно исчезают с горизонта интересов Шевченко" (III, 805, срв. 770—771), и таким образом окончательно расправиться с ненавистными для него русскими повестями поэта.

Не будем умножать количества примеров „академической" обработки Шевченко—и приведенного достаточно для того, чтобы судить о характере и „методах" ефремовских, нацдемовских и фашистских комментариев, преподносившихся как последнее слово шевченковедения, прикрывавшихся авторитетной маркой Всеукраинской Академии Наук. Совершенно правильно поступили Наркомпрос УССР и ВУАН, прекратив (после окончательного разоблачения националистов-контрреволюционеров, обсевших самое ВУАН и в частности Комиссию по изданию сочинений Шевченко) это издание и перестроив всю работу над ним на новых основаниях. „Большевистские установки на расширенном совещании научных работников, работающих над академическим изданием сочинений Шевченко (совещание состоялось в декабре 1933 г.), наметили четкие и ясные пути дальнейшей шевченковедческой работы. Правильное большевистское освещение Шевченко должно быть глубоко научным, поставленным на службу дальнейшему укреплению пролетарской диктатуры, окончательной ликвидации всех капиталистических „элементов", скорейшему победоносному построению социализма. Никакой идеализации, никакого прикрашивания,—правильный большевистский показ великого революционера минувшей эпохи; беспощадная борьба против всех тех, кто пытается именем Шевченко посеять недоверие к советской власти среди украинских трудящихся масс, именем Шевченко противопоставить эти массы трудящимся прочим национальностям, входящих в состав СССР" ¹⁰⁵. Эти слова, принадлежащие одному из руководителей обновленного академического издания сочинений Шевченко, дают вполне отчетливое представление о характере будущего издания, его редакционной и комментаторской обработке; темпы же работы над этим изданием (первый том был подготовлен к печати ударно, в течение нескольких месяцев!) и внимание, уделяемое ему партийной и советской общественностью Украины, дают полную гарантию того, что мы получим наконец полного, неискаженного и нефальсифицированного Шевченко ¹⁰⁶.

VI

В предыдущем изложении мы преимущественно останавливались на судьбе собственно поэтических, т. е. стихотворных, произведений Шевченко (и отчасти русских его повестей) и лишь попутно касались прочих составных частей его литературного наследства. Для полноты картины остановимся здесь на этом вопросе.

Говоря выше о русских повестях Шевченко, мы упоминали о ряде тактических маневров украинской буржуазии, направленных к сокрытию самого факта их существования, а затем к вящему умалению их историко-литературного значения как определенного этапа в творческом развитии поэта. Сказанным однако не исчерпываются „заботы" националистических зубров: убедившись, что прискорбного для них стремления

Шевченко к писательству на русском языке ни обойти, ни замолчать невозможно, они решили ввести их в читательский обиход в украинских переводах. Вообще говоря, против этого вряд ли можно что-либо возразить: подобного рода переводы вполне законны в собраниях сочинений писателя, предназначенных для широкого читателя, при том однако условии, что они передают оригинал так точно, насколько это только возможно при переводе. Фактически этого конечно не было и не могло быть.

Впервые украинские переводы русских повестей Шевченко были сделаны в середине 90-х годов А. Конисским. Идеолог украинского буржуазного национализма, в рамках дозволенных катковско-победоносцевской правительственной программой, Конисский много труда положил на то, чтобы за гробом примирить Шевченко с официальной Россией. В ряде текстологических и биографических „исследований“, в пухлой биографии поэта¹⁰⁷ он исподволь творил образ поэта соответственно заданиям и стремлениям своего класса. Тягуче жевал он достаточно пресные „откровения“ о том, что „нельзя указать другого поэта в истории всемирной литературы, который был бы народу более близок во всех отношениях, более понятен народу,—более, так сказать, народен, чем Шевченко“. „Как бы высоко в своих произведениях ни поднимался Шевченко в сферу общечеловеческих идеалов гуманности, он нигде не отрывается от народа, нигде не теряет своей народности, он везде и всегда глубоко и истинно народен, потому что он родился и вырос на почве народной истории; он сосредоточил в себе все дурные и хорошие свойства своего народа, в нем выразилась вся национально-народная душа. Вот почему в среде народной массы ни один поэт не был так понятен, как Шевченко, и так популярен „под сельской стрехой“... как он“¹⁰⁸. Ограничение сферы воздействия шевченковской поэзии лишь областью „народной массы“, как известно, являлось одной из составных частей той фальсификации поэта, которой он подвергался на протяжении ряда лет. Ибо соответственно этому толкованию препарировался (фальсифицировался) весь творческий облик поэта, все его литературное наследие. Неудивительно, что взявшись за перевод русских повестей Шевченко, написанных в стиле русской повествовательной прозы 40—50-х годов и не содержащих в себе ничего специфически „простонародного“, Конисский изложил их тем сюсюкающим „ядренным“ сказом, который в украинской литературе 80—90-х годах считался обязательным признаком литературы для народа.

Не будем приводить здесь примеров этой языковой обработки Шевченко,—они чрезвычайно многочисленны и потребовали бы дополнительных лингвистических экскурсов; в своей же совокупности они ясно обнаруживают перед нами определенное классовое задание, выполненное Конисским и почти без изменений повторявшееся буквально до вчерашнего дня. Достаточно сказать, что только в 1925—1930 гг. вышли три издания украинских переводов повестей Шевченко, при чем все они, повторяя в основном перевод Конисского, не шли дальше третьестепенных, мелких и несущественных стилистических поправок, ни в какой степени не менявших общего характера перевода. Редактор последнего по времени издания националист А. Шамрай даже берет переводы Конисского под свое покровительство, нисходятельно прощая ему все искажения. „Старые переводы повестей,—пишет он,—отличаются изысканным языком (!), правда, с примесью некоторых ненужных уже провинциализмов, но зато то и дело мы встречаемся с пропусками отдельных фраз, с ненужной „украинизацией“ стиля Шевченко, и это в значительной степени обесценивает их достоинство“¹⁰⁹. Однако А. Шамрай в редактированном им издании пошел все же следом за Конисским, лишь кое-где заменивши слишком уж „изысканные“ выражения (вроде например „утерти свічці носа“ в значении „снять со свечи нагар“) более простыми и соответствующими шевченковскому оригиналу. Как упоминалось выше, автографы русских повестей Шевченко, в течение многих лет скрывавшиеся украинскими националистами и буржуазными либералами, в настоящее время доступны для исследования и готовятся к печати в академическом издании сочинений Шевченко. В связи с этим неизбежно должен будет возникнуть и вопрос о новом украинском переводе повестей, сделанном нашими советскими художниками слова в соответствии с теми задачами, какие ставит перед художественным переводом наша социалистическая современность.

Июно была судьба дневника Шевченко, замечательнейшего памятника революционного духа и классовой ненависти, сохранившихся в ссылке поэт даже после десяти лет подневольной солдатчины и связанных с нею унижений и лишений. Велся дневник немного более года (с 12 июня 1858 г. по 13 июля 1859 г.) и был задуман для коротанья последних дней неволи, особенно тягостных в ожидании почты, которая должна была привести долгожданный указ об отставке. Продолжал его поэт, возвращаясь на родину по Волге, ожидая в Н.-Новгороде разрешения въезда в столицы и в первое время пребывания в Москве и в Петербурге. Но с каждым днем темп жизни Шевченко становился все бурнее и кипучее, дневник явно не поспевал за жизнью, о многих же знакомствах, разговорах и мыслях поэт очевидно просто не решался упоминать, памятуя бдительность и всезудность III Отделения. При таких условиях дневник становился лишним и поэт просто оборвал его, подарив „за тайну“ М. М. Лазаревскому. Последнему мы и обязаны первой публикацией дневника (точнее отрывков из него) в „Основе“, начиная с майской книги 1861 г. Как писал позднейший исследователь, „это был слишком интимный и слишком уже недавно писанный документ, чтобы можно было тогда опубликовать его целиком перед свежей еще могилой автора: едва ли не все упоминаемые в дневнике лица были еще живы и многие из них могли бы справедливо обидеться, если бы некоторые места этого документа, писанные поэтом для себя и поэтому без всякой внутренней цензуры, увидели бы свет и их скомпрометировали“¹¹⁰. Однако кроме этих этических мотивов издателей толкало на сокращения и стремление дать читателю лишнее документальное подтверждение тому творимому образу Шевченко—благочестивого и прекраснотушного Тараса,—который только начинал складываться усилиями „друзей“—первых интерпретаторов поэта. На это с полной определенностью указывает следующий отрывок из редакционного примечания к публикации дневника в „Основе“: „Только из „Дневника“ можно узнать, сколько детской искренности и мужественного самосознания, сколько человечности, можно сказать благодти, было в чистом сердце нашего Тараса. Из „Дневника“ и некоторых поэтических его откровений становится ясно, что дало ему силы вынести горестную свою долю: безграничная любовь к народу, непрестанное сочувствие ко всему страдающему в этом чудном мире, красота которого была неизменно присуща ему как художнику: вот что увлекло его до забвения о себе самом, о своей собственной участи...“¹¹¹

В таком урезанном и этими урезками фальсифицированном виде дневник Шевченко был известен читателю в течение нескольких десятков лет. Правда, в 90-х годах XIX столетия известный уже нам А. Конисский напечатал в Галиции украинский перевод дневника¹¹² и в предисловии заверял, что „в переводе пропусков почти нет, кроме разве двух-трех фраз таких, которых печатать никоим образом нельзя и которые значения не имеют“, однако внимательная проверка текста показывает, что пропусков этих значительно больше и притом весьма существенных; не говорим уже об особо оговоренном переводчиком пропуске русских стихотворений, переписанных Шевченко в свой дневник, на том основании, что они, дескать, „как бы ни были хороши—для биографии нашего поэта значения не имеют“. Между тем как раз стихотворения эти (отчасти принадлежащие к „потанной музе“ 50-х годов) особенно показательны для характеристики настроений поэта. Выброшены же они были просто потому, что не гармонировали с фальсифицированными усилиями Конисского образом Шевченко—„сознательного“ украинца, болейщика за „родной народ“ и конечно последовательного националиста. Следует заметить, что перевод Конисского был еще относительно полон, так как позднейшие галицкие издатели (например Ю. Романчук, 1912) умудрялись исключать едва ли не треть всего текста дневника¹¹³.

В 1911 г., к 50-летней годовщине со дня смерти поэта, была сделана попытка издать дневник (в русском оригинале) с возможной полнотой (изд. В. Яковенко). Как сообщал издатель, текст был заново сверен с оригиналом (который к тому времени был передан в Черниговский Музей украинских древностей В. В. Тарновского), однако страх перед цензурой, обрушившейся на „Кобзаря“, заставил и здесь прибегнуть к сокращениям: „Конфискация полного „Кобзаря“,—говорит издатель в предисловии,—показала, что полного текста дневника также нельзя еще опубликовать, поэтому пришлось делать

ВЫДУБЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ ПОД КИЕВОМ

Офорт Т. Г. Шевченко, 1844 г.

Государственный Литературный Музей, Москва

пропуски, всюду обозначенные“. Заметим впрочем, что „за компанию“ оказались исключенными—уже без всякой мотивировки—и некоторые стихотворения, вписанные в дневник. Несколько лет спустя Павел Зайцев в отдельной статье опубликовал главные цензурные исключения, заметив, что они являются поводом „пересмотреть наново и наново оденить все политические, общественные и религиозные взгляды Шевченко, приведя их в определенную систему“¹¹⁴. В этой же статье он сообщал о том, что им подготовлено к печати новое полное издание дневника, которое однако не увидело света,—вероятно по тем же причинам, что и полное, исправленное издание „Кобзаря“, над которым также работал П. Зайцев (см. выше).

Первое почти полное издание дневника было сделано автором настоящей статьи¹¹⁵. Мы называем его почти полным, так как редактором при сверке текстов дневника с рукописью были пропущены некоторые мелкие, но весьма досадные подчас искажения предыдущих изданий („кандалы“ вм. „кайданы“; „пропустить рюмку“ вм. „пропустить рюмочку“; „старик“ вм. „старичок“; „милосердный“ вм. „милосердый“; „январь“ вм. „генварь“ и др.), отчасти отмеченные критикою¹¹⁶. Вообще же издание было встречено читателями и критикою весьма приветливо, и это следует отнести главным образом на счет того значения, какое имеет и может иметь дневник в наши дни для уразумения подлинного и неприкрашенного Шевченко. К сожалению следующее академическое издание дневника (1927)—о нем мы уже говорили выше—в сущности похоронило этот замечательный памятник за толщей пухлых комментариев, за текстологически малограмотным стремлением фотографически отобразить в печатном тексте оригинал со всеми его орфографическими ошибками, путанной пунктуацией, неправильным написанием многих

слов и т. д. В лучшем случае оно могло явиться „сырьевой базой“ для нового издания дневника, которое сделало бы текст его удобочитаемым для широкой публики. Таким изданием явился дневник под ред. С. Шестерикова („Academia“, 1931); быстрота, с какой последняя книга, несмотря на выраженные в комментариях к ней великодержавные тенденции, исчезла с книжного рынка, безусловно свидетельствует о далеко еще не удовлетворенных читательских интересах к этому замечательнейшему и ценнейшему документу классовой борьбы и ненависти. Новое будущее издание, появления которого повидимому не придется долго ожидать, должно будет закрепить этот интерес и направить его по правильному руслу. Ибо общим недостатком всех трех названных изданий является фактографичность развернутого в них комментария (в академич. издании эта фактографичность принимает даже курьезный характер, служащий однако прикрытием фашистской нацидемовской¹ идеологии комментария, см. выше), между тем как читатель в праве требовать социально-удовлетворительных объяснений к размышлениям самого Шевченко и к тем фактам, которые он приводит в своем дневнике. Думается, что такое издание дневника уже не за горами, независимо от подготовляемого к печати нового академического издания.

Особо в нашем обзоре судьбы литературного наследства Шевченко следует упомянуть его переписку. Необычайная общительность поэта, заложенный в нем громадный интерес к людям и способность быстро сходитьсь с ними—все это делает его переписку особенно интересной и ценной не только для историка литературы, но и для рядового читателя. К тому же Шевченко любил писать письма и был очень аккуратным корреспондентом. „Я имею благодарную привычку отвечать сейчас же на полученное письмо,—писал он в одной из автобиографических повестей („Прогулка с удовольствием и не без морали“).—Под влиянием прочитанных известий, какие бы они не были, как-то легче пишется: не чувствуешь работы, не замечаешь того томительного труда, который сопряжен с ответом запоздалым, где необходимо извиняться, а нередко и врать, а это мне пуще ножа острого. Самая невинная ложь в моих глазах уголовное преступление“. К сожалению общеизвестные обстоятельства жизни Шевченко совсем не способствовали столь же аккуратному сохранению материалов переписки: и сам поэт, в предвидении жандармских обысков, бывал вынужден безжалостно сжигать адресованные ему письма¹¹⁷, и адресаты его неоднократно, под угрозой репрессий за переписку с ссыльным солдатом, уничтожали получаемые письма.

Первые и довольно активные попытки собирания и публикации эпистолярного наследия Шевченко были сделаны тотчас же после его смерти. Уже первый краткий некролог поэта, помещенный в „Основе“, содержит следующий призыв ко всем владельцам каких-либо бумаг Шевченко: „Усердно просим многочисленных друзей и почитателей Тараса Григорьевича и вообще всех, кому дорога память о нем, сообщать нам его стихотворения, письма и вообще биографические сведения о поэте, а также и о родных его. Редакция с благоговением сохранит подлинные письма и другие бумаги Шевченко и по требованию будет в целости возвращать подлинники тем, кто их доставит“¹¹⁸. А в октябрьской книге редакция „Основы“ уже печатала „дорогие письма незабвенного нашего Кобзаря“ к Я. Г. Кухаренко и М. С. Щепкину и обращалась ко всем, „кто имеет у себя письма Тараса Григорьевича“, с призывом „пойти следом за Я. Г. Кухаренком и М. С. Щепкиным, так как письма Шевченко теперь уже сделались собственностью всей родной земли,—всего славянского мира“¹¹⁹. Всего за неполные два года существования „Основы“ в ней было опубликовано 64 письма Шевченко—более четверти всего известного нам в настоящее время количества писем поэта. Нужно однако заметить, что несмотря на уверения редакции в том, что опубликованные письма списаны с оригиналов „слово в слово“, в них имеется много пропусков, неверно прочитанных мест и дат, в некоторых случаях не указаны адресаты и т. д.

К сожалению и активность „Основы“ имела, так сказать, весьма ограниченный диапазон: собирание писем и бумаг Шевченко шло преимущественно среди ближайших его знакомых, лиц, близких к журналу, которые и без того с уважением относились к реликвиям поэта. Более деятельные раскопки в провинции и за границей явились значительно позднее, лишь в 80-х годах, когда многое уже было утеряно безвозвратно¹²⁰.

Значительную коллекцию писем Шевченко и разных лиц к нему собрал и опубликовал первый его биограф М. Чалый¹²¹, многое сделал журнал „Киевская Старина“ (1882—1906), традиционно помещавший шевченковские материалы в февральских книжках. В среде „Киевской Старины“ возникла также впервые мысль собрания и издания всего эпистолярного наследства поэта. „Нельзя не выразить,—читаем в одной из книг журнала,—большого сожаления о том, что не существует до сих пор хронологически изданной переписки Шевченко. Его писем одновременно напечатано было не мало; но разные периоды жизни поэта представлены в них чрезвычайно неравномерно, и эти пробелы при дальнейших поисках могли бы быть еще значительно пополнены, а главное—получилась бы та цельность впечатления, которая так важна при изучении всякого большого писателя и так значительна, когда дело идет о поэте столь искреннем, каким был Шевченко“¹²². Однако именно систематических разысканий новых писем и не производилось, основная установка делалась на публикацию материалов, добываемых и присылаемых в редакцию самотеком, без необходимой проверки публикуемых текстов, без сопроводительных, хотя бы кратких комментариев и примечаний. Попытку такого систематического обследования переписки поэта сделал было (уже в 90-х годах) А. Конисский: работая над биографией Шевченко, он свел знакомство с рядом его современников, добыл кое-какие неизвестные дотоле материалы и по собственному признанию сконцентрировал в своих руках 174 письма Шевченко. Напечатана эта работа не была и после смерти Конисского бесследно исчезла.

Первое издание переписки появилось лишь в 1911 г. в упоминавшемся уже выше яковенковском издании, вместе с дневником. Как сообщает сам издатель, „письма Т. Г. Шевченко, собранные впервые в настоящем издании и расположенные в хронологическом порядке, требуют еще дальнейшей работы над собою при последующих изданиях. Письма эти извлечены из различных повременных изданий. Необходимо их конечно проверить по подлинникам, установить в некоторых случаях точные даты и лиц, к которым они адресованы, и, когда это будет сделано, дать комментарии. Мне же в пер-

«ПОД КИЕВОМ»

Офорт Т. Г. Шевченко

Государственный Литературный Музей, Москва

вом издании и по условиям и по характеру этого издания пришлось ограничиться лишь собиранием писем, разбросанных не только в разных русских повременных изданиях, но и заграничных". Эти вынужденные признания не искупают впрочем классической небрежности, с какою напечатаны письма и в которой повинен уже сам издатель. Последний не дал себе труда даже проследить за точной хронологией писем, и в результате письма последних трех лет жизни поэта (в особенности 1859—1860) оказались совершенно перепутанными, не говорим уже о том, что целый ряд писем остался просто неизвестен издателю (издание В. Яковенко содержит 156 писем против 174, собранных в свое время Конисским). Пользоваться этим изданием приходилось только ввиду недоступности многих изданий, где в свое время были напечатаны те или иные письма; да и пользоваться приходилось с оглядкой, рискуя приписать Шевченко то, чего он никогда не думал писать.

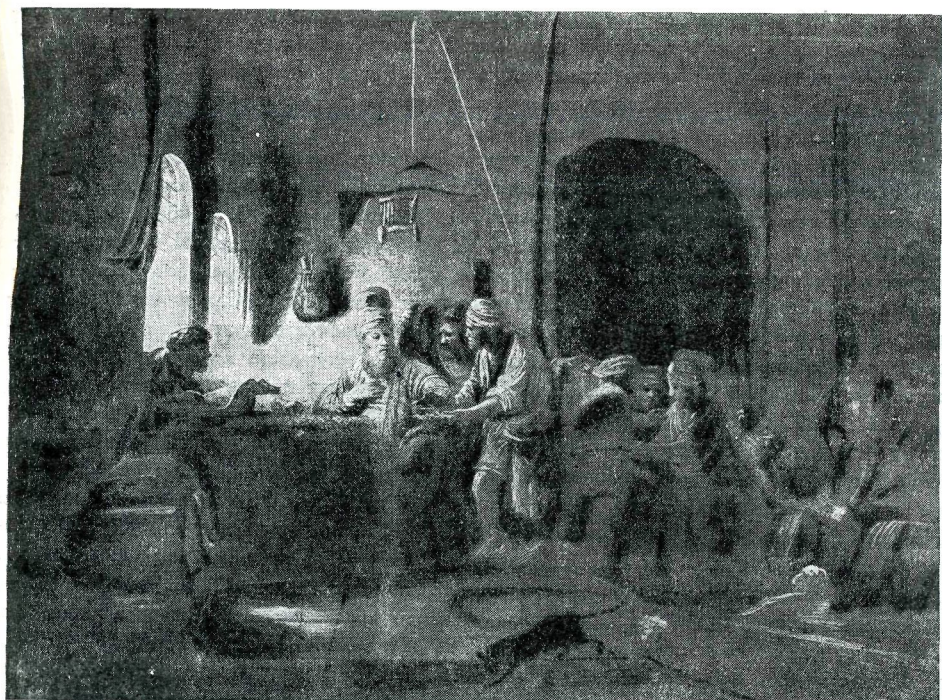
Таким образом наиболее исправным и почти полным на сегодня оказывается только академическое издание переписки, вышедшее в свет в 1930 г. Если отбросить громадный, но совершенно неприемлемый методически и классово враждебный комментарий (на нем мы остановились выше), мы в этом издании имеем удовлетворительную полноту собрания (в книге помещено 225 писем Шевченко—из них 12 напечатано впервые—и 201 письмо разных лиц к поэту), проверенный в большинстве случаев по оригиналам или, при отсутствии таковых, по другим первоисточникам текст, установленную в сомнительных случаях хронологию переписки и раскрытие инициалов и криптонимов, разбросанных в переписке. Впрочем исчерпывающей полноты в данном издании все же достигнуть не удалось. По неизвестным причинам оказалось например пропущенным давно известное в печати письмо Шевченко к Г. Ф. Квитке-Основьяненко (от 28 марта 1842 г.: см. „Русская Старина“ 1880, № 3, стр. 593); ряд писем оказалось невозможным проверить по оригиналам, несмотря на очевидную неточность и испорченность опубликованных текстов (письма к Варфоломею Шевченко, Брониславу Залесскому и др.; см. т. III, стр. XXVI); некоторые письма напечатаны с ошибками против оригиналов. Произведенное нами в 1930 г. с аспирантами Института Шевченко (на занятиях текстологического семинара) специальное обследование этого тома академического издания обнаружило весьма значительное количество более или менее существенных отклонений от оригиналов. Однако и при всех этих недостатках том переписки еще некоторое время, повторяем, сохранит значение для работающих над Шевченко: академические вредители напортили в текстологической части немного, перенеся все свое внимание на комментарий и повидимому не считая переписку поэта столь ярким классовым документом, как например „Кобзарь“ или дневник.

VII

В нашем обзоре мы пытались, не увлекаясь сообщением отдельных библиографических сведений, обрисовать на конкретном материале ту горячую классовую борьбу вокруг литературного наследия Шевченко, которая длилась на протяжении десятилетий и особенно заострилась в последние годы. (Вопросов изучения поэта мы касались лишь попутно: это отдельная, хотя и близкая нашей тема.) Сделать это нам казалось тем более необходимым, что русский читатель, в частности и наш советский читатель, знакомился с поэтом по источникам, которые по своей некритичности, а зачастую и национал-фашистским тенденциям способны были только дезориентировать его в понимании творчества украинского поэта-революционера.

Ибо все, что писалось о Шевченко в русской советской прессе,—берем только послереволюционный период,—никак не было увязано с проводившейся на Украине „борьбой за Шевченко“ и зачастую являло образцы самого нежелательного повторения старых буржуазно-либеральных характеристик Шевченко как „народного поэта“ и т. д. Раскрывая например „Историю русской литературы XIX и XX ст.“ Л. Войтоловского (1925), читатель находил там Шевченко в одной главе с Кольцовым, Никитиным и Огаревым и читал о нем следующее: „Два обстоятельства навеки связали творчество Тараса Шевченко с судьбами русского народа: русская литература и русская неволя. Шев-

Копия картины Рембрандта у В. Д. Тихонова
Т. Шевченко 1858 г. № 10

КОПИЯ С КАРТИНЫ РЕМБРАНДТА «ПРИТЧА О ВИНОГРАДНОМ САДЕ»

Офорт работы Т. Г. Шевченко с дарственной надписью К. Т. Солдатенкову, 1858 г.

Музей изобразительных искусств, Москва

Шевченко—художник с душою Чехова(?!), мечтательною и нежною.—Велика тяжесть взятого им на себя креста. И если он молча проносил в груди все свои поэтические думы, если он все-таки оставил в наследие миру такую гордую и прекрасную книгу, как „Кобзарь“, то этим Шевченко обязан своему поэтическому таланту, помогшему ему до конца дней сохранить такую гордую и свободную душу“. И дальше: „Если Кольцов был поэтом крестьянского труда, а Никитин—певцом голодных подвалов, то Шевченко является одним из самых талантливых глашатаев крестьянского голоса и крестьянской мечты о воле. В его даровании соединились склад мыслей Кольцова (!), мятежный патриотизм Мицкевича(?!) и мстительная ярость Некрасова“. И еще: „Тех, кто не знает Украины, ее широких просторов и синего неба, поэзия „Кобзаря“ подготавливает к слиянию с ее природой, людьми, преданиями и могильной стариной“.

Можно было бы конечно отмахнуться от этих исключительных по своей развязной пошлости высказываний именно указанием на их исключительность и нехарактерность для всей русской советской литературной науки и критики в целом. К сожалению однако Войтоловский далеко не одинок: буквально до последнего времени можно было встретить в печати патетические слова о том, что „Кобзарь“ Шевченко возник у самых „истоков народного творчества“, что „он отражал настроения и думы многомиллионного русского крестьянства, он говорил с ними на родном, единственно понятном языке“,— слова неграмотные политически и зачастую трактующие Шевченко с снисходительно-великодержавных позиций как „тоже русского“ поэта¹²³. Доказывать же ошибочность и вредность подобных позиций и трюизмов в настоящее время вряд ли необходимо.

Русское литературоведение и русская критика—в большом долгу перед Шевченко. С большим удовлетворением можно констатировать, что этот свой долг они начинают

уплачивать: 120-летие со дня рождения поэта, отмеченное недавно советской общественностью, явилось в этом отношении переломной датой¹²⁴. Можно ожидать, что советский читатель получит наконец правильную ориентировку в творчестве великого украинского поэта, получит наконец возможность познакомиться с его творчеством в полном объеме и в нефальсифицированном виде.

Здесь кстати будет остановиться вкратце на русских переводах Шевченко. Отнюдь нельзя пожаловаться на их недостаточность: количественно их было очень много, отдельные произведения даже переводились до десятка раз. Н. В. Гербель, А. А. Мей, В. С. Курочкин, А. Плещеев, П. Вейнберг, М. И. Михайлов, Н. Берг, И. Бунин, Ф. Сологуб—вот далеко не полный перечень поэтов и переводчиков, в разное время и в различной степени интересовавшихся Шевченко. А. Н. Чмырев, М. Славинский, А. Колтоновский и в особенности И. Белоусов перевели даже собственными силами целые сборники стихотворений Шевченко. Нельзя пожаловаться и на прием, который встречали эти переводы: „Кобзарь“ Тараса Шевченко в переводе русских поэтов, изданный под редакцией Н. В. Гербеля, выдержал четыре издания (1860, 1869, 1876, 1905), И. А. Белоусов, по словам некролога, переводам Шевченко „посвятил всю свою литературную жизнь“ и в течение сорока с лишним лет своей литературной деятельности выпустил десять отдельных изданий своих переводов из Шевченко. Недавно появилась в серии „Дешевая библиотека классиков“ ОГИЗ „Кобзарь“ в переводе А. Колтоновского. Следует думать, что эти переводы выполняли и какую-то эстетическую функцию, в какой-то степени удовлетворяли эстетические запросы читателя. Ведь именно сборник переводов под редакцией Гербеля вызвал у такого взыскательного читателя, каким был Герцен, самый восторженный отзыв: „Боже, что за прелесть,—говорил он Н. Н. Ге,—так и повеяло чистой нетронутой степью, это ширь, это свобода!“¹²⁵ Главным образом на всех этих переводах целый ряд поколений русских читателей знакомился с творчеством Шевченко, приучался любить и ценить его.

Между тем из всей массы существующих переводов вряд ли можно после тщательного отбора найти три-четыре десятка—не скажем хороших, но хотя бы удовлетворительных. Не говоря уже об искажениях украинского текста, с которого делались переводы, сами переводчики относились к переводимому с большим своеволием: почти никем из них не передан тонкий сложный ритмический рисунок шевченковского стиха, трудно поддающиеся переводу строки безжалостно исключались и наоборот дописывалось то, что считалось подходящим к данному случаю; многочисленные смысловые ошибки возникали из-за недостаточного понимания украинского оригинала. В качестве иллюстрации приведем несколько примеров из перевода поэмы „Неофиты“ Н. Пушкирева. Описывая римскую оргию, Шевченко говорит, что все участники, перепившись, „поклались Приапу“; переводчик, очевидно поняв последнее выражение буквально, пишет: „Все сплось кругом (!) перепились. Все, пав, Приапу поклонились“ и неожиданно прибавляет от себя: „И вдруг все разом отрезвились“... Или в описании торжества обожания кесаря Пушкирев пишет: „Все мира древнего столпы—Весь цвет патрициев, плебеи (!), Сатрапы Фив и Иудей“. Хороши эти плебеи, попавшие в столпы! У Шевченко конечно нет этого слова. Не угодно ли далее понять следующее место: „Кто в те годы был император—враг свободы и бога, Деций иль Нерон—забыл, не помню. Пусть хоть он, Да он и точно!“ (У Шевченко: „Не в нашм краї, богу милім, Не за гетьманів і царів, А в римській ідольській землі Се беззаконіє творилося: Либонь, за Деція-царя, Чи за Нерона-сподаря.—Сказати запевне не зумію; Нехай за Нерона!“). Чтобы покончить с „Неофитами“, прибавим, что в переводе и стих иногда небрежен до чрезвычайности. например: „Нет в Риме дома... где б здесь не плакались о женах, там не скорбели о мужьях“. А вот примеры благозвучия: „в мрак катакомб пошла“, „страж уж не неофит был“, „вкруг кровь“¹²⁶. И если нас упрекнуть в нарочитом подборе примеров из анекдотически слабого перевода (хотя перевод Пушкирева таким быть назван не может—существуют и еще более слабые, и еще более фантастические), то мы укажем на переводы А. И. Колтоновского, вообще говоря добросовестные, хотя мало художественные. При всей добросовестности переводчика, при всем его искреннем желании сохранить все особенности украинского оригинала, мы найдем у него следующие стихи: „Мать с

АВТОПОРТРЕТ-ОФОРТ Т. Г. ШЕВЧЕНКО С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ

А. И. ГУЛАК-АРТЕМОВСКОЙ, 1860 г.

Публичная Библиотека СССР им. Ленина, Москва

отдом и (?) не спят, Да за мною следят, По садочку в одиночку Мне гулять не велят. А велят только с ним—Старикашкой (!!) своим, С моим нелюбом богатым—Моим недругом злым“ (у Шевченко: „А хоч пустять, то з ним, З препоганим старим, З моім нелюбом богатым, З моім ворогом злим!“),— словно пред нами перевод не лирического подражания народной песне, а залихватской шансонетки. Или на соседней странице строки Шевченко: „Продавала бублики Козакам“ у переводчика совершенно произвольно превратились в такие: „Выносила крендели На толчок“ (?). В изданных же в юбилейные дни нескольких неопубликованных переводах Ф. Сологуба слабое знание украинского языка привело переводчика к совершенному искажению текста. У Шевченко явор загрузил, „Що без долі, без родини та без вірної дружини,—і дружини, і надії—В самотині посивіє!“ Ф. Сологуб же, следуя звуковым ассоциациям с русскими значениями отдельных слов, переводит: „Что без родины, без счастья, Без друзей и без участия, Без надежды сиротеет, В одиночестве седеет“. Между тем укр. „родина“ означает „семья“, а „дружина“—„жена“, т. е. все четверостишие имеет в подлиннике совершенно иной смысл, нежели в переводе.

Без труда можно было бы во много раз увеличить количество приведенных примеров, раскрывая наудачу любой перевод и сравнивая его с оригиналом. Думается впрочем, что и приведенного достаточно для обоснования нашего вывода — о необходимости подготовки нового полного и художественно полноценного перевода всех украинских стихотворений Шевченко с соответствующим редакционным аппаратом. Недавний юбилей поэта должен бы послужить этому весьма побудительным основанием.

Борьба за Шевченко, как мы видели на приведенных выше фактах из области шевченковедения, слишком затянулась, классовый враг под прикрытием широкой спины Скрыпника сумел расставить свои силы на многих участках культурного фронта, сумел, хитро маскируясь, прикрываясь партийным билетом, принести много вреда, прежде чем был окончательно разоблачен. В частности одним из „контрреволюционных националистических гнезд“, где „националистическим элементам“ удалось в течение последних лет „расставить... своих людей для организации саботажа и вредительства, прикрываясь для осуществления своих контрреволюционных целей флагом украинизации“, явился Институт Шевченко в Харькове, — об этом упоминал в своем докладе на ноябрьском (1933 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)У т. Косиор, об этом сказал и пленум в своей резолюции по этому докладу.

В течение ряда лет националистические элементы фактически саботировали шевченковедческую работу, держали ее в состоянии анабиоза, не активизировали дальнейшего собирания шевченковедческих материалов (хотя одновременно весьма энергично собирались материалы для увековечения... Скрыпника), широко продвигали и популяризировали идеалистические, а подчас и откровенно националистические установки в изучении творчества Шевченко. Основным сектором Института Шевченко должен был быть сектор шевченковедения. „Теперь становится совершенно ясным, — читаем в одной газетной статье, — что Речицкий, руководя этим сектором, вел линию на провал работы по шевченковедению. Он переложил практическое руководство сектором на „шевченковеда“ Склярова... А уже Скляров фактически провалил работу семинара по шевченковедению и работу сектора. Вот одно из проявлений прямого вредительства обнаглевшего классового врага. Между тем разработка проблем шевченковедения сосредоточивалась в руках Дорошкевичей, Панченко и тому подобной националистической братии“¹²⁷.

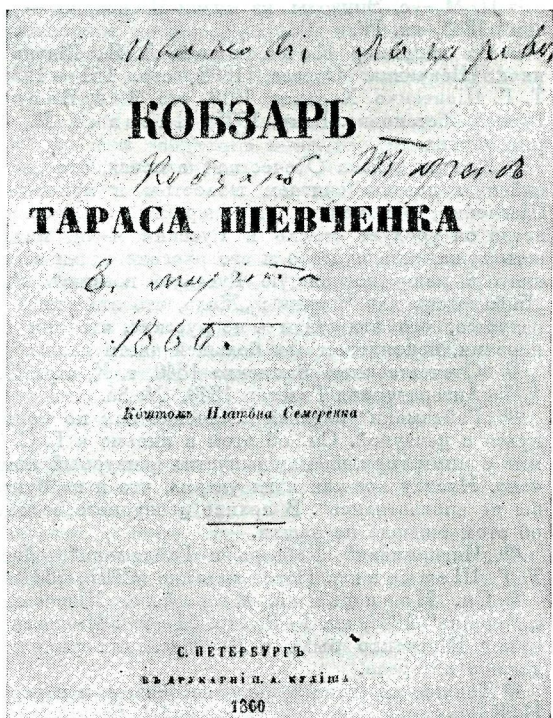
„Партийная ячейка Института, — говорит руководитель обновленного Института Шевченко, — совершенно утратила большевистскую бдительность и непримиримость к врагу и его лазутчикам, пролезшим даже на руководящие участки партийной работы, а ряд членов ячейки, изменив партии, переродился в охвостья засевших в Институте классово враждебных элементов. Вместо того чтобы стать боевым проводником линии партии, организованным центром собирания лучших советских шевченковедческих сил, партийная ячейка Института, большинство ее, утратив большевистскую бдительность, растворилось в окружении и стало на путь прикрывания и покровительства той вредительской ра-

боты, которую „тихою сапою“ проводили разного рода контрреволюционеры в Институте“. Этот классовый враг всевозможным образом маскировался цитатами из „классиков марксизма“, коммунистической фразеологией, становясь иногда в позу „критиков“ Ефремова, Никовского и других уже разоблаченных партией контрреволюционеров (вспомним хотя бы выступления Дорошкевича, Речицкого, Загула, Барана). Украинские националисты, российские великодержавники, польские контрразведчики и шпионы рассматривали Институт Шевченко как одну из своих надежнейших крепостей, как тихое пристанище для контрреволюционной работы. Тут они находили себе трибуну для устных выступлений и страницы журналов и сборников для печати. Тут они находили своих „рецензентов“ и „критиков“. Тут они „переворужались“ и „перестраивались“. Тут они находили и молодые надежные националистические кадры¹²⁸.

В настоящее время партия очистила Институт Шевченко от засевших в нем националистических, контрреволюционных элементов, партия укрепила Институт подлинным большевистским руководством и свежими коммунистическими силами. И уже теперь мы имеем первые положительные результаты перестройки шевченковедческой работы: открыта шевченковская галерея-выставка, быстрыми шагами подвигается вперед подготовка и печатание академического издания сочинений Шевченко, осуществляется ряд других научно-исследовательских шевченковедческих тем и предположений.

И—самое главное—работа ведется в соответствии с теми задачами, которые поставили перед партией, перед всей советской общественностью недавно прошедшие партийные съезды. „Непрерывное повышение настороженности и бдительности партийных организаций в отношении националистических элементов“, „разоблачение и разгром до конца националистического уклона в КП(б)У, не ослабляя ни на минуту борьбы с великодержавным шовинизмом“, „развертывание работы по воспитанию КП(б)У и широких рабочих и колхозных масс Украины в духе пролетарского интернационализма“, „развертывание еще шире и глубже созидательной работы в области строительства советской украинской культуры“—таковы четыре задачи в области национальной политики на Украине, выдвинутые на XII съезде КП(б)У т. Постышевым¹²⁹. Вся важность этих

ЭКЗЕМПЛЯР «КОБЗАРЯ»
Т. Г. ШЕВЧЕНКО
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
АВТОРА
И. Л. ЛАЗАРЕВСКОМУ
Публичная Библиотека СССР
имени Ленина, Москва

задач становится особенно ясной в свете указаний т. Сталина на XVII съезде ВКП(б) о том, что „пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области“.

Таким образом борьба за Шевченко на новом этапе—составная часть всей созидательной работы в области строительства советской украинской культуры—является одним из элементов борьбы за осуществление задач всей второй пятилетки—построения бесклассового социалистического общества.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ „Основа“ 1861, № 3, стр. 8. Слово над гробом Шевченко.
- ² Костомаров, Н., Воспоминание о двух малярах. — „Основа“ 1861, № 4, стр. 51.
- ³ Там же, стр. 52—53.
- ⁴ Эфремов, Сергей, Шевченко. — „Збірка“. Київ, 1914, стр. 36.
- ⁵ Там же, стр. 261.
- ⁶ Там же, стр. 44, 45.
- ⁷ Тисовський, Олександр, Ідея самостійності України в творах Шевченка. Станиславів, 1921.
- ⁸ Грушевський, Михайло, В шістдесят четверті Шевченкові роковини. — „Україна“ 1925, кн. 1—2, стр. 4, 5.
- ⁹ Кроме двух украинских изданий (1922 и 1925 гг.) существует русское издание ее: Речицкий А., Тарас Шевченко в свете эпохи. Критический очерк. ГИХЛ, 1931.
- ¹⁰ См. впрочем статью И. Пискуна „Контрреволюційні праці Річицького“ („За марко-ленінську критику“ 1934, № 1, ст. 77—90).
- ¹¹ „Комуніст“ 1934 от 9/III, № 57 (4429).
- ¹² Запрещенные цензурой тексты Н. Г. Чернышевского. „Н. Г. Чернышевский о национальном вопросе и классовой борьбе на „Украине“. — „Литерат. Наследство“ 1932, кн. 3, стр. 101—102.
- ¹³ В письме к Г. Квитке (Основьяненко) от 18 ноября 1838 г. Гребенка следующим образом отзывался о Шевченко: „А ще тут у мене один земляк Шевченко, що то за звязаний писати вірші, то нехай йому сей та той! Як що напише, тільки цмокни, та вдар руками об поли!“ (Данилевский, Г. П., Украинская старина. Харьков, 1866, стр. 275).
- ¹⁴ П. М. — с, Эпизоды из жизни Шевченко. — „Вестн. Юго-Западн. и Западной Росии“ 1863, кн. IV.
- ¹⁵ Ср. например Конисский, А. Я., Жизнь украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченка. Одесса, 1898, стр. 151—153; Эйцев, Павел, Русские поэмы Т. Г. Шевченко. Харьков, 1913, стр. 3—4; Багрий, А. В., Т. Г. Шевченко в литературной обстановке. Баку, 1925; Плевако, М., Шевченко й критика. Харків, 1924, и ряд других.
- ¹⁶ Критик „Сына Отечества“, отмечая, что „всю нынешнюю искусственную Малороссийскую поэзию считаем шалостью и прихотью“, подчеркивал одновременно талант Шевченко, рекомендуя ему перейти на русский язык: „Жаль видеть г-на Шевченко, когда он уродует мысль и Русский язык, подделываясь под хохлацкий лад. У него есть душа, есть чувство и его русские стихи вероятно могли бы прибавить долю хорошего в нашу настоящую Русскую поэзию“. Подобное же сожаление высказывала и „Библиотека для Чтения“: „Жаль, что эта книга не может быть принята нашею литературою, что эти стихи — не русские, что они писаны на особенном провинциальном наречии, непонятном для большей части наших читателей“.
- ¹⁷ „Отечественные Записки“ 1840, т. X, стр. 23.
- ¹⁸ „Литературная Газета“ 1840, № 36.
- ¹⁹ „Гайдамаки“ издавал Шевченко сам по подписке; при издании он впервые столкнулся с цензурой. См. об этом в письме к Г. С. Тарновскому (26 марта 1842 г.): „Было мне с ними горя, насилиу выпустил цензурный комитет, — возмутительно, да и конечно. Насилу кое-как я их уверил, что я не бунтовщик. Теперь спешу разослать, чтобы не спохватились“. В архиве цензурного ведомства (ЛОЦИА) мы никаких сведений об этом эпизоде не нашли.
- ²⁰ „Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки“. Две поэмы на малороссийском языке Т. Г. Шевченка. Новое издание (СПБ., 1844).
- ²¹ См. Новицкий, Михайло, Шевченко в процесі 1847 р. і його паперы („Україна“ 1925, кн. I—II, стр. 51—99). Имеются все основания предполагать, что часть бумаг Шевченко была в III Отделении уничтожена как не представлявшая для жандармов интереса.
- ²² Такую же зашифровку встречаем и в рецензиях на „Записки о Южной Руси“. Н. Костомаров, восхищаясь поэмой („Давно уже лира такого певца, каков автор „Най-

мички“, не улаждала малороссийского слуха“), высказывал пожелание, чтобы „стих этого поэта без имени прозвучал для нас не в последний раз“ („Отечественные Записки“ 1857, кн. 9, стр. 26). А. Н. Ригельман попытался лишь туманно намекнуть на имя автора: „Автор стоит далеко выше малороссийских поэтов-писателей прошлого времени (конечно за исключением творений Кобзаря)“ („Русская Беседа“ 1857, № 4, стр. 4).

²³ Сохранилось чрезвычайно любопытное письмо Кулиша к Шевченко (от 25 июля 1846 г.), написанное в связи с задуманным последним новым изданием „Кобзаря“. Восхваляя всячески стихотворения с политически нейтральной тематикой („Тополя“, „Думка“), либо с ярко выраженной национальной романтикой („Тарасова ніч“, „Перебендя“), Кулиш крайне отрицательно отнесся к двум поэмам—„Катерина“ и „Гайдамаки“, из которых в первой уже намечены мотивы социального неравенства женщины, впоследствии развитые поэтом в ряде произведений, а во второй нашли свое отражение развивавшиеся антиклерикальные и бунтарские настроения молодого поэта. Советы Кулиша и направлены главным образом к смягчению, а подчас к полному уничтожению ряда мест. В особенности восстал он против сцен расправы гайдамаков с польским панством, убеждая Шевченко, что „читатель не сочувствует торжеству победителей, ибо это торжество мясников, а драма ваша—кровавая бойня, от которой поневоле отворачиваешься“. „Дайте побольше человечества вашим гайдамакам,—звывал Кулиш.—Посмотрите у Шекспира: одно лицо в слепоте звериной ярости проливает кровь своих врагов, а другое говорит голосом человечества; иногда то же самое лицо содрагается и тем доказывает истину, что человеческое начало никогда не подавляется зверским“.

²⁴ Она была полностью опубликована лишь после революции 1905 г. по автографу, обнаруженному в архиве департамента полиции.

²⁵ Ответ Шевченко на это письмо Кулиша показывает, что поэт прекрасно сознавал нецензурность „Неофитов“ и что Кулиш таким образом ломился с своими советами в открытые двери. „Какой там тебе нечистый говорил, что я приготовил свои „Неофиты“ для печати?—писал Шевченко 26 января 1858 г. (перевод с украинского).—И помысла и намерения не было. Я послал их тебе только прочитать, чтобы ты видел, что я тут не сижу, сложа руки“. И дальше: „Для печати есть у меня приготовленного на добрых две книги: только переписать, да и в типографию; но я и с этим добром не спешу, не только с „Неофитами““.

²⁶ „Основа“ 1861, сентябрь, стр. 1.

²⁷ Опубликован П. Зайцевым в заметке „Нові матеріали до біографії й творчості Шевченка. IV. Передмова Куліша до „Неофітів“ („Наше Минувле“ 1919, кн. 1—2, стр. 23—24).

²⁸ „Автор постоянно следует принятому направлению: непрерывно жалуется на страдания Украины в настоящем ее положении; желает возбудить ненависть к владычеству русских и, вспоминая о прежней свободе, подвигах и славе козаков, упрекает нынешнее поколение в равнодушии“ (Новицький, Мих., Шевченко в процесі 1847 р. і його папери.—„Україна“ 1925, кн. I—II, стр. 55).

²⁹ 22 ноября 1858 г. Шевченко писал М. А. Максимовичу: „Книгопродавец Кажанчиков решил было печатать мою „Поэзию“, но шеф жандармов запретил. Возмутительно, говорит“ (перевод с украинского). А 25 мая 1859 г. в письме к М. А. Маркович (Марко Вовчку) он жаловался: „Печатать не дают. Не знаю, что и делать. Уж не повеситься ли часом?“ (перевод с украинского).

³⁰ Речь идет о стихотворении „Думи мої, думи мої“.

³¹ Историю „Кобзаря“ 1860 г., изложенную нами по необходимости сжато и схематически, см. Стороженко, Н. И., Мелочи для биографии Т. Шевченко.—„Русская Мысль“ 1898, кн. VI; Данилов, В. В., Цензурная история „Кобзаря“.—„Начала“ 1922, кн. II, стр. 239—255; примечания М. Новицкого в академ. издании сочинений Шевченко („Твори“, т. III, стр. 849—853); дело Главного управления цензуры 1858 г. „О дозволеніи художнику Тарасу Шевченко напечатать новым изданием сочинения его: Кобзарь и Гайдамаки“ (ЛОЦИА). Об экземплярах „Кобзаря“ без цензурных поправок см. Каминский, Ф., Еще щепотка на могилу Шевченко.—„Киевская Старина“ 1885, № 3, стр. 521—522.

³² Доманицкий, В., Критичний розвід над текстом „Кобзаря“. Киев, 1907, стр. 5—6.

³³ Дорошкевич, Олександр, Принципи організації тексту Шевченкової поезії.—„Життя й Революція“ 1932, кн. 6—7, стр. 190—191.

³⁴ В 1859 г. вышла за границы книжечка „Новые стихотворения А. Пушкина и Т. Шевченка“ (Лейпциг, 1859). Из шевченковских стихотворений в ней напечатаны находившиеся в то время под строжайшим запретом „Кавказ“, „Розрита могила“ и др. Точных сведений о происхождении этой книжечки мы не имеем; можем лишь предполагать участие в ее издании М. А. Маркович (Марко Вовчка), ездившей в то время за границу; с лейпцигскими издателями был также связан Н. В. Гербель, издавший там в 1861 г. Рылеева.

³⁵ Еще в 1856 г. С. Аксаков пытался пристроить русские повести Шевченко в „Русский Вестник“ Каткова, позднее (1858) М. Максимович усиленно сватал его в аксаковский „Парус“, и вызвал этим резкий отказ поэта (письмо от 22 ноября 1858 г.).

³⁶ Опись вещей и картин не издана (хранится в Харьковском Институте шевченковедения), опись библиотеки см. Айзеншток I., Заметки про Шевченка. III. Книгозбірня Т. Шевченка („Червоний Шлях“ 1923, № 8, стр. 231—240).

³⁷ Шабловський, Є. С., Добити націоналізм і на ділянці шевченкознавства. — „Культура і пропаганда“ 1934, № 1, стр. 54.

³⁸ „Основа“ 1862, кн. III, стр. 142—143. Перепечатки этого объявления в других изданиях нам неизвестны.

³⁹ „Поэмы, повести и рассказы Т. Г. Шевченко, писанные на русском языке“. Киев, 1888, V + 745 стр.

⁴⁰ Любопытно, что после опубликования рукописей в „Киевской Старине“ они снова исчезли из поля зрения исследователей и были обнаружены лишь в 1920-х годах. В настоящее время они находятся в Институте Шевченко и готовятся к печати.

⁴¹ „Основа“ 1861, кн. II, вкладной листок с кратким некрологом Шевченко, стр. 2.

⁴² Шевченко, Т., Кобзарь. Коштом Д. Е. Кожаникова. СПб., 1867, стр. V, перевод с украинского. См. об этом издании Васькевич, Г., Из воспоминаний о Н. И. Костомарове. — „Киевская Старина“ 1895, № 4, стр. 34—62; Н. Ш[угуров], Сведения по вопросу о месте погребения Т. Шевченко и о первом посмертном издании его сочинений. — „Киевская Старина“ 1899, № 2, стр. 168—194.

⁴³ Протоколы С.-Петербургского цензурного комитета 1867 г., 4 января, ст. 1. По заявлению Смирнова комитет вынес следующее „определение“: „Не возбуждая судебного преследования против издателя книги, принять заявление цензора к сведению“.

⁴⁴ Барвінський, Олександр, Спомини з мого життя, ч. I, Львів, 1912, стр. 113.

⁴⁵ Т. Г. Шевченко. Кобзар з додатком споминок про Шевченка Костомарова й Мікешина (т. II). У Празі 1876, ст. III; цитату даєм в перекладі.

⁴⁶ Драгоманов, М., Шевченко, українофіли й соціалізм. Львів, 1906, стр. 24—25. Драгоманов, М., Листи до Ів. Франка і інш. 1887—1895. Львів, 1908, стр. 177—178. О „пражском“ издании „Кобзаря“ см. Русов, О., Спомини про празьке видання „Кобзаря“. — „Україна“ 1907, № 2; Богацький, Павло, „Кобзарь“ Тараса Шевченка в Празі. — „Студентський Вісник“ (Прага) 1926, № 3, стр. 8—14; Савченко, Ф., Листування О. О. Русова з Я. П. Полонським в справі споминок про Шевченка для празького видання „Кобзаря“. — „Україна“ 1929, травень—червень, стр. 95—100 и др.

⁴⁷ Науменко, В., К вопросу о научном издании „Кобзаря“ Т. Г. Шевченко. — „Киевская Старина“ 1892, № 2, стр. 314—315.

⁴⁸ Т. Г. Шевченко. Збірник творів, т. I, СПб., 1883, 576 стр.

⁴⁹ Дело Главного управления по делам печати 1880—1884 гг., № 28, ч. I, лл. 179—180.

⁵⁰ Журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати за 1882 г. 13 апреля, № 17, ст. 1.

⁵¹ Дело Главного управления по делам печати за 1884 г., № 28, ч. II, лл. 233—234.

⁵² Дело Главного управления по делам печати, 1886—1888 гг., № 21, ч. III, л. 134.

⁵³ Там же, л. 310.

⁵⁴ Там же, л. 521.

⁵⁵ Дело Главного управления по делам печати 1888—1890 гг., № 28, ч. IV, л. 232^а ср. также л. 225.

⁵⁶ Дело Главного управления по делам печати 1890—1891 гг., № 28, ч. V, л. 302: запрещение состоялось вопреки мнению киевского цензора Б. Юзюфовича, „полагавшего возможным“ разрешить поэму к печати.

⁵⁷ Там же, лл. 320—321.

⁵⁸ Журнал заседаний С.-Петербургского цензурного комитета 1892 г., 12 февраля, ст. 2. В том же году категорическое запрещение вызвала биография Шевченко, написанная В. Яковенко для павленковской серии „Жизнь замечательных людей“. Как доказывал цензор Коссович, „написанная г. Яковенко биография Шевченко, этого великого народного поэта, воплотившего в себе, по словам автора, все думы Малороссии, от начала до конца представляет собою нескончаемый мартиролог крепостничества и украинофильства“. „Жизнь Т. Г. Шевченко послужила автору биографии удобным только поводом для проведения доходящих до чудовищных размеров демократических украинофильских тенденций“ (там же, Журнал заседаний, 29 июля, № 31, ст. 7).

⁵⁹ Дело Главного управления по делам печати 1892 г., № 28, л. 260.

⁶⁰ Дело Главного управления по делам печати 1896—1898 гг., № 31, лл. 20—26, 70—71.

⁶¹ Дело Главного управления по делам печати 1900—1902 гг., № 6, лл. 158, 232—233, 258.

⁶² Там же, л. 178.

⁶³ Столь же любопытный пример преданности цензурным законам и традициям мы встречаем в делах 1882 г. Один из „друзей“ Шевченко В. М. Лазаревский, бывший в то время членом Совета Главного управления по делам печати, не решился сам пропустить нескольких писем Шевченко, предположенных к напечатанию в „Киевской Старине“ (писем совершенно невинных даже по тому времени—см. Пономарев, С., Восемь писем Шевченко. — „Киевская Старина“ 1883, № 2, стр. 401—408), и лишь вме-

шательство міністра (гр. Толстого) решило это дело в положительном смысле (Журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати 1882 г., 30 ноября, № 53, ст. III).

⁶⁴ Драгоманов, М., Шевченко, українофіли й соціалізм. Львів, 1906, стр. 25; цитата дана в перекладі.

⁶⁵ „Матеріали для культурної й громадської історії Західньої України. Том I. Листування І. Франка і М. Драгоманова“. Киев, 1928, ст. 318. Речь йде про видання: Т. Шевченко. Поезії (заборонені в Росії)“ (Женева, 1890, Українська печатня). Перед тем Драгоманов приймав некоторое участие в подготовке двух женеvских изданий „Кобзаря“—1878 и 1881 гг.

⁶⁶ Батуринский, В., К биографии Н. И. Костомарова.—„Былое“ 1907, № 10, стр. 92.

⁶⁷ „Листування І. Франка і М. Драгоманова“. Киев, 1928, стр. 321.

⁶⁸ Мы не останавливались на отдельных публикациях шевченковских текстов (в заграничных украинских изданиях и в „Киевской Старине“), так как публикации эти, за исключением русских повестей, о чем упоминалось выше, носили совершенно случайный характер и таким образом не меняют нарисованной нами общей картины.

⁶⁹ Єфремов, Сергій, З громадського життя на Україні. Київ, 1909, стр. 59—60 („программа“ эта написана в 1907 г.).

⁷⁰ Єфремов, Сергій, Недбале видання—„Шевченко“. Збірка, Київ, 1914, стр. 181 (статья написана в 1901 г.).

⁷¹ Там же, стр. 188.

⁷² См. напр. Стебницький, П., Повний „Кобзарь“ в Росії.—«Літературно-Науковий Вісник» 1914, кн. II, стр. 277—281; Лотоцький, О., Як появилось повне видання „Кобзаря“.—„Тризуб“ 1926, № 23. Ограничиваемся этими статьями, не упоминая ряда статей, пересказывающих факты, добытые из вторых рук, в том числе и из названных воспоминаний, имеющих значение первоисточника (правда, весьма хвастливого и зачастую лживого).

⁷³ Другой „воспоминатель“, П. Стебницький, называет А. Марковича „человеком широких взглядов и с определенными национальными симпатиями по традиции рода“.

⁷⁴ Заметим кстати, что и самая близость Марковича к царю вызывает сомнения; вряд ли эта близость превышала ту степень, какая должна была существовать для сенатора и статс-секретаря.

⁷⁵ Єфремов, Сергій, Чистому сердцем. Пам'яті Василя Доманицького. Київ, 1912, стр. 35.

⁷⁶ Новицький, Михайло, До тексту Шевченкового „Кобзаря“.—„Україна“ 1924, № 4, стр. 75; Айзеншток, І., Шевченкознавство—сучасна проблема. І. До тексту Шевченкових творів. Харків, 1922, стр. 10—16.

⁷⁷ См. статью Н. Кагановича „Як українські націоналісти фальсифікували Тараса Шевченка“.—„Вісті“ 1934, 8 января, № 7.

⁷⁸ „Не знаю,—писал Доманицкий в письме к И. Франко (недатиров.; перевод с укр.),—приходилось ли кому-нибудь писать или делать какую-либо серьезную работу в таких обстоятельствах, как мне теперь: беспрестанные обыски и конфискации материалов (все мои материалы и выписки забранные еще в декабре) привели к тому, что я едва не остановился на полдороге, едва не оборвалась моя статья на 8 листе. Да и так пришлось, начиная с 9 листа и до конца, печатать без возможности проверить свои ошибки или недосмотр“ (Возняк, Михайло, З приводу двадцятиліття „Кобзаря“ в редакції В. Доманицького. — „За сто літ“, кн. V, 1930, стр. 286). И в другом месте еще: „Жандармы украли все мои „кобзарные“ материалы,—ни одной справки нельзя было навести“ (там же, стр. 292).

⁷⁹ Доманицкий, В., Критичний розслід над текстом „Кобзаря“. Київ, 1907, стр. 62.

⁸⁰ Там же, стр. 133.

⁸¹ Там же, стр. 145.

⁸² Там же, стр. 124.

⁸³ Шевченко, Т., Кавказ. Передмова, примітки, редакція А. Панова.—„Радянська Література“ 1934, стр. 27.

⁸⁴ „Літературно-Науковий Вісник“ 1907, кн. II, стр. 368.

⁸⁵ Єфремов, Сергій, Шевченко. Київ, 1914, стр. 200.

⁸⁶ Стебницький, Петро, „Кобзар“ під судом. — „Записки Історично-Філологічного Відділу“ ВУАН, кн. IV, 1924, стр. 36—48.

⁸⁷ Из „отъяснения“ („совершенно секретного“, „личного“) начальника киевской окранки подполковника Кулябко киевскому губернатору (22 ноября 1910 г., № 4087).

⁸⁸ Тисяченко, Гр., Історія Великої Книги. — „Книгар“ 1918, № 6, февраль, стр. 307—308.

⁸⁹ Зайцев, Павло, Два „Кобзарі“.—„Книгар“ 1919, № 19, март, стр. 1161.

⁹⁰ Наиболее отчетливо это выражено в статье, писанной за границей: „То, что мы обычно читаем как Шевченко, это—не его только личное творчество, это либо, Шевченко + Романчук, либо Шевченко + Франко, либо Шевченко + Доманицкий, либо Шевченко + Лепкий, так как ни один из теперешних редакторов „Кобзаря“ не

издал правильного текста стихотворений Шевченко, приняв одну редакцию за основную, а всегда каждый из них к тексту одной, выбранной как основная, добавлял из других редакций отдельные „лучшие“ или подходящие фразы, соединяя таким образом в одном произведении элементы, возникавшие в иных психологических условиях и неодновременно“. И несколько дальше: „Их работа над текстом Шевченко методологически была ошибочной, а иногда и непонятно наивной“ (Зайцев, Павло, Наш долг перед Шевченко.— „Стара Україна“ 1925, кн. III—IV, стр. 41).

⁹¹ Коряк, В., Ліквідація культу Шевченка.— „Вісті“ 1922, № 58 и в сборнике статей „Боротьба за Шевченко“, ДВУ, 1928, стр. 69.

⁹² Айзеншток, И., *Habent sua fata...* Харьков, 1922, стр. 8—10; Айзеншток, И., Шевченкознавство—сучасна проблема. I. До тексту Шевченкових творів. Харьков, 1922; Айзеншток, И., Кобзарева повідь.— „Червоний Шлях“ 1927, № 4, стр. 247—249 и др.

⁹³ Шевченко. Поезії „Кобзар“. Зредагували та примітки додали І. Айзеншток та М. Плевако. ДВУ, 1925 (дальнейшие издания—1927, 1930, 1931, 1932). Работа между редакторами была поделена таким образом, что работу над текстом вел И. Айзеншток, комментарий составлял М. Плевако.

⁹⁴ Новицкий, Михайло, До тексту Шевченкового „Кобзаря“.— „Україна“ 1924, № 4, стр. 75—83; Шевченко, Поезія. Під редакцією акад. С. Єфремова і М. Новицького, тт. I—II, Київ, 1927 и сл. Считаю нужным заметить, что установление принципа цикличности поэзии Шевченко принадлежит единолично М. Новицкому; участие Єфремова в редактировании шевченковских текстов выразилось в нарочитом стремлении сохранить в неприкосновенности все описки и ошибки Шевченко (что нельзя расценивать иначе как культурное вредительство и редакторскую безграмотность), а также в составлении нацдемовских, фашистских примечаний.

⁹⁵ „Червоний Шлях“ 1927, № 4, стр. 248.

⁹⁶ Ныне—в Харьковском Институте им. Шевченко.

⁹⁷ Косиор, С., Итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП (б)У 22 ноября 1933 г. Харьков, 1933, стр. 32.

⁹⁸ „Звідомлення про діяльність Української Академії Наук у Києві до 1 січня 1920 року“, стр. XIX—XX.

⁹⁹ Там же, стр. XX.

¹⁰⁰ „Звідомлення Всукраїнської Академії Наук у Києві за 1923 рік“. К., 1924, стр. 72.

¹⁰¹ Этот вредительский саботаж „почтенных академиков“ не был разгадан рецензентами академического издания, в частности автором настоящей статьи, который, отметив медленные темпы издания, объяснял их сложностью работы и т. д. (см. Айзеншток, И., Академичний Шевченко.— „Червоний Шлях“ 1929, № 4, стр. 110—117.) Сейчас, после процесса СВУ и в особенности после разоблачения деятельности украинских националистических контрреволюционных организаций и националистического уклона ВКП(б)У, возглавлявшегося Скрипником, вряд ли могут возникнуть сомнения в истинных причинах всех этих задержек, оттяжек и т. п.

¹⁰² Тарас Шевченко. Твори, т. IV, ДВУ, 1927, стр. V.

¹⁰³ Шабловський, Є. С., Т. Г. Шевченко. Його життя та творчість. Київ, 1934, стр. 189.

¹⁰⁴ Єфремов, Сергей, Спадщина Кобзаря Дармограя.— „Україна“ 1925, кн. 1—2, стр. 13.

¹⁰⁵ Шабловський, Є. С., Добити націоналізм і на ділянці шевченкознавства.— „Культура і пропаганда“ 1934, № 1, стр. 61.

¹⁰⁶ Мы остановились подробнее на ефремовских комментариях к академическому изданию потому, что считаем их особенно характерными для буржуазно-националистической интерпретации Шевченко. Вообще же следует особенно помнить, что „наряду с физическим истреблением произведений Шевченко одновременно проводилась фальсификация Шевченко. Начиная от открытых черносотенцев и кончая разного рода либералами, господствующие классы царской России и Украины руками своих „культурных деятелей“ и опытных шарлатанов-фальсификаторов принимались за литературное наследство Шевченко и беспощадно вычеркивали из него все, что полно „мужичьим бунтом“, комментируя в свою пользу все, что так или иначе поддавалось „обработке“ („Тезисы Отдела культуры и пропаганды ленинизма ЦК КП(б)У к 120-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко“). В частности буржуазно-националистический характер имеют примечания в редактированном нами совместно с М. А. Плевако издания „Поезій“ Шевченко (см. выше). Автор настоящей статьи проявил в данном случае гнилой либерализм, не решившись приложить руки к этим примечаниям, составленным единолично М. А. Плевако, и оговорив лишь свою непричастность к ним (см. например „Критика“ 1928, № 3, стр. 18).

¹⁰⁷ Конисский, А. Я., Жизнь украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко (Критико-биографическая хроника). Одесса, 1898. Ср. также: Конисский, Александр, Тарас Шевченко-Грушевський. Хроніка його життя, т. I, Львів, 1898; т. II, Львів, 1901.

¹⁰⁸ Конисский, А. Я., назв. соч., стр. 2.

¹⁰⁹ Тарас Шевченко о Прозе. Редакция і примітки А. Шамрай.—„Рух“ 1930, стр. 556.

¹¹⁰ „Наше Минувле“ 1919, кн. 1—2, стр. 3.

¹¹¹ „Основа“ 1861, № 5, стр. 6.

¹¹² В журнале „Правда“ 1893, кн. VIII—XII; 1894, кн. I—X; в 1895 г. перевод этот вошел в т. III собрания сочинений Шевченко под ред. О. Одоновского (Львов).

¹¹³ По этому поводу М. Плевако с показной наивностью удивляется: „Пропуски эти невозможно ни оправдать, ни даже объяснить, как оправдываем мы и объясняем их в напечатанном в „Основе“ тексте: австрийская цензура наверно не прицепилась бы к острым выражениям в „Дневнике“ против российского правительства, к тому же еще и прошлого, или против российского православия и т. д.“ (вступ. статья к изданию избранных отрывков из „Дневника“.—„Книгоспілка“, Харків, 1924, стр. VI). Ограниченный буржуазный гегелтер не может представить себе, что кроме цензуры правительственной существует во много раз более жестокая и неумолимая цензура классовая, которая стирает государственные границы!

¹¹⁴ Зайцев, Павел, Недруковані місця з Журналу (Шоденника) Т. Шевченка. — „Наше Минувле“ 1919, кн. 1—2, стр. 3—16.

¹¹⁵ Т. Шевченко. Дневник. Редакция, вступительная статья и примечания И. Я. Айзенштока. Изд. „Пролетарий“, 1925.

¹¹⁶ См. напр. „Червоний Шлях“ 1925, № 8, стр. 234—236.

¹¹⁷ Один из приятелей Шевченко, Ф. Лазаревский, сохранил в своих воспоминаниях картину уничтожения бумаг перед обыском в 1850 г. Предупрежденный о предполагаемом обыске Лазаревский „бросился к знакомым, забрал Тараса и помчался с ним на Свободу. Он был совершенно покоен и даже подшучивал над собой. Приехали. Вывалил он мне целый ворох бумаг и несколько портретов...

— Ну, що ж тут палить?—обратился он ко мне. Я, хотя и знал содержание чуть ли не всех писем к нему, но стал их пересматривать. Все они, по моему мнению, были самого невинного свойства.

— І я тебе питаю,—отвечал я вопросом на его вопрос,—що палить?

— Пали усі письма кн. Рєпніної.

И все драгоценные для Тараса послания Варвары Николаевны, конечно самые невинные, брошены в камин. Туда же полетели и еще некоторые бумаги, по выбору самого Тараса.

Пытливо прочел я письма брата Василия, свои письма, письма Левицкого, Александрийского и др., но ровно ничего, по-моему, в них не было недозволенного, а тем более преступного, но Тарас командовал: „пали!“

— Но послухай же, мій голубе, як ми все спалимо, то догадаються, що нас предупредили об обыске, да і стануть искать виноватого...

— І то правда,—согласился Тарас,—буде! Поїдем до тебе та ще там що небудь спалим“ (Чай й, М., Из воспоминаний Ф. М. Лазаревского о Шевченко. Киев, 1899, стр. 12—13).

¹¹⁸ „Основа“ 1861, кн. II, вкладной листок.

¹¹⁹ „Основа“ 1861, кн. X, стр. 3.

¹²⁰ Впрочем еще в 1876 г. галицкий журнал „Правда“ сделал попытку возобновить собрание и публикацию переписки Шевченко. В специальном воззвании „Ко всем живым украинским людям“ редакция журнала писала: „Мы с большой радостью открываем двери нашего журнала и приглашаем всех, у кого имеются письма Шевченко, прислать нам для печати... Ни одно письмо, написанное поэтом, ни одно слово его не должно оставаться где-то под спудом, потому что его письма, его слова являются собственностью всего украинского народа, и тот, кто прячет у себя письма Шевченко или материалы для его биографии, чинит большое преступление как перед украинским народом, так и перед целым миром“ („Правда“ 1876, № 23, стр. 923—924). Какие бы то ни было конкретные результаты этого обращения нам однако неизвестны.

¹²¹ См. его книгу „Жизнь и произведения Тараса Шевченка“ (Киев, 1882) и последующие публикации (особенно „Киевск. Старина“ 1897, № 2—3).

¹²² „Киевская Старина“ 1885, стр. 333.

¹²³ Уже после того, как наша статья была закончена, нам попалась недавно вышедшая статья В. В. Данилова „Социальные основы жизни Шевченко“ („Труды Института Славяноведения Академии Наук СССР“, т. II, 1934, стр. 103—113), в которой, наряду с верными, хотя и поданными чрезвычайно упрощенно положениями, встречаем велькие замечания, вроде того, что „в Шевченке—борьба с дворянским строем, это—не идея, а физиология“ (!), или аналогии с Кольцовым и Слепушкиным, которые имеют совершенно отличную от Шевченко классовую принадлежность.

¹²⁴ См. например статьи Заславского, Д., Поэт крестьянской революции („Правда“ 1934, 10 марта, № 68); Старчакова, А., Фашизм и Шевченко („Известия“ 1933 г., 4 декабря, № 294); его же, Поэт-невольник („Известия“ 1934, 9 марта, № 58); Шаблиовского, Е. С., Тарас Шевченко („Комсом. Правда“ 1934, 9 марта, № 58); Лейтеса, А., Шевченко и современность („Литерат. Газета“ 1934, № 30, 12 марта); статьи

Старчакова, А. в „Новом Мире“ 1934, кн. 2 и А. Хвыли, в „Красной Нови“ 1934, кн. 5 и др. Недавно вышел и сборник русских переводов из „Кобзаря“ Ф. К. Сологуба; при всех отмеченных выше недостатках переводов они несомненно являются лучшими и серьезнейшими из всех существовавших переводов.

¹²⁵ Стасов, В. В., Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. М., 1904, стр. 161.

¹²⁶ См. А. Е. Грузинский в „Русской Мысли“ (1907, № 2, стр. 30).

¹²⁷ Цапир, Я., Грудницька, М., Про одне кубло націоналістичної контрреволюції.— „Вісті“ 1933, 25 декабря, № 283.

¹²⁸ Шабльовский, Е. С., Добити націоналізм і на ділянці шевченкознавства.— „Культура і пропаганда“ 1934, № 1, ст. 48, 49.

¹²⁹ Постышев, П., Советская Украина на новом подъеме. Партиздат ЦК КП(б)У, 1934, стр. 107—109.

Воспроизводимые в настоящем обзоре картины, офорты и рисунки Т. Г. Шевченко и автографы его дарственных надписей на книгах, а также изображения Шевченко работы Н. А. Степанова и Г. И. Дунин-Барковской, выявлены редакцией «Литературного Наследства» в различных московских и ленинградских хранилищах, и публикуются, за единичными исключениями, впервые.

В своей статье, посвященной литературному наследию Шевченко, я, естественно, обошел его наследие как художника и гравера, наследие, которое вынуждены были высоко оценить современники (Академия Художеств даже «удостоила» его в 1859 г. звания академика гравирования) и которое особенно высоко ценим мы, имеющие возможность охватить значительно большее количество художественных работ Шевченко, нежели то, какое было в свое время доступно современникам. До революции художественные работы Шевченко были разбросаны по различным музеям и частным собраниям и лишь отчасти были собраны в черниговском музее им. В. В. Тарновского и в киевском Художественно-промышленном музее. В настоящее время большая часть художественного наследия Шевченко (примерно до 90%) сосредоточена в Институте Шевченко, куда передано и большинство шевченковских экспонатов из государственных музеев СССР и РСФСР. Однако и по сей час отдельные рисунки и картины Шевченко встречаются и в музеях и у частных лиц, и редакции «Литературного Наследства» удалось обнаружить значительное, сравнительно, количество неизвестных дотоле художественных работ Шевченко.

Первое место среди них должен занять автопортрет Шевченко (масло), воспроизводимый четырехцветкой. Автопортрет, правда, не является совершенной новостью: он неоднократно воспроизводился по авторской копии, сделанной для «друзей» поэта, находившейся в течение ряда лет в семье Лазаревских и ныне хранящейся в Институте Шевченко. Однако сравнение этой известной копии с новонайденным оригиналом обнаруживает ряд существенных деталей последнего (в частности замечательное выражение глаз), лишь отчасти переданных в автокопии; последняя — совершенно очевидно — делалась наспех и без особенного внимания. Найденный оригинал портрета позволяет, кстати, рассеять одну легенду, созданную досужими «друзьями» и биографами поэта, — легенду о сочувственном якобы отношении к нему великой княгини Елены Павловны. Один из биографов, упоминавшийся уже П. Зайцев, сообщил, что этот свой автопортрет Шевченко написал для благотворительной выставки (или лотереи) и что великая княгиня купила его за 200 рублей, выявив таким образом «демонстративно сочувственное отношение... к такой ярко-определенной фигуре, как Шевченко» («Русск Библиофил» 1914, кн. 1, 20). Увы, умиление буржуазного биографа решительно безосновательно: заплатив за портрет 200 рублей, Елена Павловна никакой демонстрации производить не предполагала; можно с большой долей вероятности утверждать, что портрет приобретен ею по совету Ф. П. Толстого, семье которого она немедленно и подарила его. По крайней мере настоящий владелец портрета приобрел его от лиц, близких к семье Толстых.

Второй воспроизводимый в настоящей книге автопортрет Шевченко — 1843 г., пером — неоднократно воспроизводился, начиная с 1882 г., но самый оригинал, пода-

ренный автором В. Н. Репниной, оставался недоступным исследователям. В настоящее время он находится в частном собрании, в Москве, репродукция его в нашей книге обнаруживает ряд деталей, ускользавших при прежних воспроизведениях, когда портрет не вынимался из рамки (срв. напр. в книге Ол. Новицкий «Тарас Шевченко як маляр». — Львов 1914, стр. 2). Как выяснилось на обороте его имеется карандашный рисунок поэта, представляющий собою автоиллюстрацию к поэме «Черниця Мар'яна».

Третий автопортрет — 1860 г. — является одним из наиболее популярных изображений поэта; по словам дочери Ф. П. Толстого, мемуаристки В. Ф. Юнге, «это лучший и наиболее похожий из всех его портретов» (Ол. Новицкий, 80). Не воспроизводилась до сих пор дарственная подпись Шевченко на одном из экземпляров офорта: «Александри Ивановни Гулак-Артемовской на память 4 декабря 1860 года. Т. Шевченко». А. И. Гулак-Артемовская — жена артиста и композитора, С. С. Артемовского, приятеля Шевченко. Последний познакомился с ней по возвращении из ссылки в 1858 г. и неоднократно упоминал о ней в своем дневнике, называя ее «милейшей» и «очаровательной» (см. записи 3, 18, 20 мая 1859 г.).

Любопытен рисунок хаты, в которой родился поэт и с его фигурой сбоку (стр. 453). набросок фигуры известен по воспроизведению в книге Ол. Новицкого (стр. 28), весьма впрочем несовершенному технически.

Переходя к рисункам Шевченко, необходимо отметить серию акварелей, относящихся к годам учения его в Академии Художеств и носящих яркие следы ученичества у К. Брюллова. К последнему Шевченко в продолжение всей своей жизни относился с большим пиететом (хотя и не мог простить ему впоследствии, что он ничем не помог своему бывшему ученику в ссылке); в годы же учения в Академии Художеств Брюллов был для него непревзойденным классическим образцом. Следы этого поклонения сохранились в позднейшей автобиографической повести Шевченко «Художник» («Поэмы, повести и рассказы Т. Г. Шевченко, писанные на русском языке», Киев, 1888, стр. 265 — 363), дающей много интересных зарисовок как самого «Великого», так и ряда его учеников и товарищей по Академии в 30—40-е годы. Большая часть академических и послеакадемических работ Шевченко (до ссылки 1847 г.) носит явные следы влияния Брюллова, от которого Шевченко избавился лишь с годами. Из непосредственных же шевченковских копий работ Брюллова до сих пор была известна одна: «Итальянка возле фонтана» (см. В. Г. Картины, рисунки и офорты Шевченко. — «Киевская Старина» 1888, № 6, стр. 80—85). В Музее изобразительных искусств нашлись еще две акварельные копии, воспроизводимые здесь: «Сон бабушки и внуки» и «Прерванное свидание». Можно думать, что копии сделаны не с оригиналов, находившихся в недоступных конечно Шевченке частных коллекциях (первая — у в. к. Екатерины Михайловны, вторая — у гр. Ферзена), но с гравюр, помещенных в альманахе «Утренняя Заря» на 1840 г.; это определяет и датировку рисунков. (См. Сомов А., Карл Павлович Брюллов и его значение в русском искусстве. СПб., 1876, стр. 25, 26, 27). Родственны им по манере исполнения и технике также иллюстрации к пушкинской «Полтаве» — «Мария» и «Цыганка, гадающая малороссиянке». Следует отметить, что «Малороссиянка» последней акварели чрезвычайно близко напоминает «Катерину» известной картины маслом Шевченко и, возможно, послужил для последней подготовительным этюдом.

К годам академической учебы Шевченко относится также акварельный этюд «Спящий мальчик». Возможно, что это — первоначальный вариант несохранившейся небольшой картинки масляными красками — «Сиротка мальчик делится милостыней с собакою под забором», о которой сам Шевченко упоминает в повести «Художник» (стр. 314; срв. также «Сборник материалов для истории Академии Художеств», т. II, СПб., 1865, стр. 406).

Портретная живопись Шевченко, особенно ценимая современниками, — кроме упомянутых автопортретов, — представлена двумя замечательными работами: акварельным портретом художника-баталиста К. А. Зауэрвейда, одного из профессоров Академии Художеств во времена Шевченко и портретом-маслом В. Н. Репниной, невыска-

занный роман которой с поэтом был психологически освещен М. О. Гершензоном («Русские Пропилеи», кн. 2). Первый портрет до сих пор вовсе не был известен и приобретен Государственным Литературным Музеем за границей (см. «Литературное Наследство» кн. 15, стр. 310), второй — известен по авторской копии, находившейся во Всеукраинском Историческом Музее (Киев).

Коллекция иллюстраций завершается несколькими офортами Шевченко. Техникой офорта он овладел уже в последние годы жизни, по возвращении из ссылки, и в короткое время достиг высокой степени совершенства: в 1859 г. ему было даже присуждено звание академика гравирования. Исследователи высоко ценят офорты Шевченко и не без основания считают, что ему «по справедливости может быть приписана слава едва ли не первого русского офортиста в современном значении этого слова» Е. М. Кузьмин, Т. Г. Шевченко как живописец и гравер. — «Искусство и художественная промышленность» 1900, № 3, стр. 61—75; срв. также Ол. Новицкий, Тарас Шевченко як моляр. — Львов-Москва, 1914; К. Широцкий, Гравюра Т. Шевченко. — «Украинская Жизнь» 1914, № 2, стр. 49—57 и др.). К офортам примыкает и рисунок сепией «Спящая женщина» (в украинской традиции называемый «Сама собі господиня в хати») — оригинал известного офорта; самый рисунок воспроизводится впервые.